

УДК 811.511.2 : 801.612.2
DOI: 10.17223/19986645/56/7

Ю.В. Норманская

ПРАСАМОДИЙСКОЕ УДАРЕНИЕ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ¹

На основании сравнения полевых и архивных данных по селькупским и ненецким диалектам мы предлагаем реконструировать разноместное фонологически значимое ударение для прасамодийского языка, которое влияло на развитие вокализма от прауральского языка к прасамодийскому. Далее проводится сравнение реконструируемого ударения с разноместным ударением в прафинно-волжском, пермских, хантыйском языках и реконструируется прауральское фонологически значимое ударение.

Ключевые слова: ударение, архивные данные, полевые данные, самодийские языки, уральские языки, сравнительно-историческое языкознание.

1. Внутренняя реконструкция прасамодийского ударения

В настоящее время считается, что описание происхождения прасамодийского вокализма из прауральского [1, 2] сделано с наименьшим количеством исключений. По данным [2. Р. 478], генезис прасамодийской системы гласных выглядел следующим образом²:

ПУ *a > ПС *o ПУ *ï > ПС *i ПУ *e > ПС *i ПУ *i > ПС *ë.
ПУ *u > ПС *ə ПУ *i > ПС *ə ПУ *ä > ПС *e

Однако при сопоставлении прауральских (по данным [3]) и прасамодийских (по [4]) этимологий система соответствий выглядит следующим образом: каждая ПУ гласная (за исключением *ï и *i) имеет «двойную» или даже «тройную» рефлексацию в ПС: а) широкий гласный и б) ə или узкий гласный. Приведем несколько примеров (более подробный анализ см. ниже).

В статьях [5, 6] было показано, что правило появления того или иного рефлекса прауральской гласной в прасамодийском языке может быть сформулировано в терминах прасамодийского ударения, которое сохранилось без существенных изменений в южных и центральных диалектах селькупского языка и в тундровом ненецком языке. В статьях [5, 6] материалы по ударению в современных самодийских диалектах приведены и

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-012-00119а (описание ударения в пермских полевых данных) и РНФ № 15-18-00044 (описание ударения в обско-угорских и самодийских языках).

² Здесь материал представлен в сокращенном варианте подробнее см.: [2. Р. 478].

подробно разобраны. В статье [5] представлено описание акцентных систем шести центральных и южных диалектов селькупского языка, сделанное на основе следующих материалов:

1) полевых материалов, собранных в ходе экспедиций аспирантов Н.Л. Федотовой в с. Парабель Томской области в 2009 и 2010 гг. (опрос носителей нарымского говора центрального диалекта селькупского языка И.А. Коробейниковой и Я.Я. Мартынова) и М.К. Амелиной в п. Степановка Верхнекетского района Томской области в 2011 г. (опрос носителя кетского говора южного диалекта селькупского языка В.В. Арбалдаева);

2) архивных материалов, собранных коллективом томских ученых под руководством А.П. Дульзона в 60–80-х гг. XX в. и в настоящее время в полном объеме (т. е. с указанием населенных пунктов и знаков ударения) не изданных;

3) первых селькупских книг, которые были составлены Н.П. Григоровским в конце XIX в. и описаны Е.А. Хелимским в 1983 г. [7];

4) архивных материалов М.А. Кастрена, собранных в середине XIX в. и в настоящее время в полном объеме не изданных.

Таблица 1

Примеры «двойной» рефлексии ПУ гласных в ПС языке

1а. ПУ * <i>sala</i> ‘красть’ > ПС * <i>tâlã</i> ПУ * <i>pala</i> ‘кусать’ > ПС * <i>pälã</i>	1б. ПУ * <i>lante</i> ‘низкий’ > ПС * <i>lãmtV</i> ПУ * <i>amta-</i> ‘давать’ > ПС * <i>ãm-</i>
2а. ПУ * <i>ñõŋða-</i> (* <i>ñowða-</i>) ‘следовать’ > ПС * <i>ño-</i> ПУ * <i>kora</i> ‘кожа, кора’ > ПС * <i>korã</i>	2б. ПУ * <i>konta</i> ‘мороз, стужа’ > * <i>kãntʒ-</i>
3а. ПУ * <i>tule</i> ‘огонь’ > ПС * <i>tuj</i> ПУ * <i>kuñce</i> ‘муравей’ > ПС * <i>kunsã</i>	3б. ПУ * <i>kupsa</i> ‘стирать’ > ПС * <i>kãptã</i> ПУ * <i>kuma</i> ‘гнуться’ > ПС * <i>kãmã</i>
4а. ПУ * <i>jãpsẽ</i> ‘острая палка, копье’ > ПС * <i>jãpsã-</i> ПУ * <i>mãttV</i> ‘дом, чум’ > ПС * <i>mãt</i>	4б. ПУ * <i>ãlV-</i> ‘древесный сок’ > ПС * <i>ilã-</i> ~* <i>jilã</i>
5а. ПУ * <i>meke</i> (? * <i>meue</i>) ‘вещь, дело’ > ПС * <i>mej-</i> ‘делать’ ПУ * <i>nejde</i> (* <i>nejde</i> / * <i>nejde</i>) ‘девочка’ > ПС * <i>ne</i>	5б. ПУ * <i>wete</i> ‘вода’ > ПС * <i>wit</i> ПУ * <i>erV</i> ‘большой’ > ПС * <i>irV-</i> * <i>jirV-</i>
6а. ПУ * <i>icã</i> ‘отец’ > ПС * <i>ejsã</i>	6б. ПУ * <i>ime-</i> ‘сосать’ > ПС * <i>ñim-</i> ПУ * <i>itã</i> ‘появляться, светить’ > ПС * <i>ãtã-</i>

Как неоднократно было показано в работах Т. Салминена и других исследователей ненецкого языка (см. подробную историю вопроса в работе [8]), для протоненецкого языка реконструируется следующая система гласных фонем: одна редуцированная гласная фонема **ã*, пять нейтральных по долготе гласных фонем **i*, **e*, **a*, **o*, **u*, дифтонг **æ*, две долгие гласные фонемы **ĩ*, **ũ*.

Эта система сохранилась, по мнению Т. Салминена, практически без изменений в тундровом диалекте ненецкого языка. В лесном диалекте произошли значительные изменения, которые повлияли как на качественные, так и на количественные характеристики гласных. Подробный анализ из-

менений см. в работе [8]. Здесь мы перечислим основные количественные изменения. В лесном диалекте ненецкого языка есть четыре краткие гласные фонемы, появляющиеся следующим образом: *ə > ä, *æ > ǎ, *i > ĭ, *u > ŭ, и шесть нейтральных по долготе гласных фонем *ī > i, *ē > e, *ā > a, *ǣ > ǎ, *ō > o, *ū > u¹.

В результате проведенного анализа мы обнаружили, что любая нейтральная по долготе прауральская гласная за исключением *i² (т. е. ПУ *i, *e, *ä, *a, *o, *u) может быть источником как долгих, так и кратких гласных в тундровых диалектах ненецкого языка. Приведем примеры:

Таблица 2

**Примеры «двойной» рефлексии ПУ гласных
в тундровых диалектах ненецкого языка**

Долгий гласный в первом слоге	Краткий гласный в первом слоге
ПУ *kaða > ПС *kaǰǎ > ненец. тунд. χǎǰe- (O) 'оставлять', χǎǰo- (O) 'оставить' ПУ *kalma > ПС *kaǎlmǝ > ненец. тунд. χǎǎlmer (O) 'труп', χǎǎlmer? (O) 'умершие, кладбище'	ПУ *lamte > ПС *lǎmtǝ > ненец. тунд. lamtū (O) 'низкий' ПУ *lapa > ПС *lǎpǝ > ненец. тунд. labé (O) 'весло'
ПУ *koje > ПС *kaǰǎ > ненец. тунд. χǎǰer? (O) 'солнце, ясный (о погоде)' ПУ *koska > ПС *kaǎta > ненец. тунд. χǎda (O) 'бабушка'	ПУ *joke > ПС *jǎka > ненец. тунд. jaχǎ (O) 'река' ПУ *korpa > ПС *kǎrǎ > ненец. тунд. χarǎ- (O) 'прибиться к земле течением или ветром'
ПУ *kulM(-kV) > ПС *kulǎjǎ > ненец. тунд. χūl (O) 'ворон' ПУ *kure > ПС *kura ~ (? *kujra) > ненец. тунд. χūrǎ- (O) 'укреплять груз на санях'	ПУ *čukka > ПС *tǎk- ~ tǎkkǎl > ненец. тунд. takał- (O) 'прятать' ПУ *puna > ПС *pǎn > ненец. тунд. paŋkǎł-, panor- (O) 'плести'
	ПУ *lampe > ПС *lǎmpǎ > ненец. тунд. limbad (O) 'болото, трясина' ПУ *šarV > ПС *šira > ненец. тунд. sirra (O) 'снег, зима'
ПУ *ǎjmǎ > ПС *ejmǎ ~ nejmǎ > ненец. тунд. ŋ pe (O) 'игла' ПУ *pǎwe ([1; 2]: *pǎjwǎ) > ПС *pejwǎ > ненец. тунд. p w (O) 'сухой, теплый ветер летом'	ПУ *ǎIV > ПС *ilǎ > ненец. тунд. ila- (O) 'успокаивать' ПУ *kakta ~ *kǎktǎ > ПС *kitǎ > ненец. тунд. síde (O) 'два'

¹ Здесь мы опускаем описание качественных изменений в позициях I, U-умлауга, которые не меняют количественные характеристики гласных.

² Мы предполагаем, что у ПУ *i нет двух типов рефлексии в ПС языке, поскольку эта фонема реконструируется исключительно на основании ПС рефлекса *i, т. е. в тех случаях, когда в ПС другой рефлекс, например *ǎ, то просто реконструируется не ПУ *i, а ПУ *a.

Долгий гласный в первом слогe	Краткий гласный в первом слогe
ПУ * <i>đimā</i> (<i>đūmā</i>) > ПС * <i>jimā</i> > ненец. тунд. <i>j bē, j mē</i> (O) ‘клей’ ПУ * <i>sile</i> (* <i>sīle</i>) > ПС * <i>tij</i> > ненец. тунд. <i>ć bē</i> (O) ‘морская сажень’	ПУ * <i>kije</i> (* <i>kīje</i>) > ПС * <i>səjwa</i> > ненец. тунд. <i>xǎčββəə</i> (O) ‘водяное насекомое’ [4. С. 132] ПУ * <i>künčē</i> > ПС * <i>kōta</i> > ненец. тунд. <i>χada</i> (O) ‘ноготь, коготь’
ПУ * <i>kepā</i> > ПС * <i>kejp3</i> > ненец. тунд. <i>s b</i> (O) ‘легкий’ ПУ * <i>pele</i> > ПС * <i>pīj</i> > ненец. тунд. <i>p lū</i> (O) ‘бояться’	ПУ * <i>ćečā</i> > ПС * <i>cicā</i> > ненец. тунд. <i>ťide</i> (O) ‘дядя, младший брат матери’ ПУ * <i>enā</i> > ПС * <i>inā</i> > ненец. тунд. <i>ññeka</i> (O) ‘старший брат младший брат отца’
ПУ * <i>ćā</i> > ПС * <i>ejsā</i> > ненец. тунд. <i>n śe</i> (O) ‘отец’ ПУ * <i>pījse-me</i> , * <i>pise-me</i> > ПС * <i>peptān</i> ₂ ~ <i>riptān</i> ₂ > ненец. тунд. <i>p bī</i> ? (O) ‘нижняя губа’	ПУ * <i>pīša</i> > ПС * <i>pōtā</i> > ненец. тунд. <i>pađe</i> (O) ‘желчь’, <i>pađej laχā</i> (O) ‘зеленый’, <i>pađerāχā</i> (O) ‘цвета желчи, желтый’ ПУ * <i>pīde</i> (~ <i>kā</i>) > ПС * <i>pīrə</i> > ненец. тунд. <i>pīće</i> (O) ‘высокий’

Подобная двойная с точки зрения количественной характеристики гласных рефлексация наводит на мысль о различных просодических характеристиках прасамодийских и, возможно, даже прауральских гласных.

Учитывая тот факт, что в селькупском языке реально представлено разноместное ударение, мы предположили, что следует сравнить позиции появления долгих и кратких протоненецких гласных, без изменения сохранившихся в тундровых диалектах, и плюсовые / минусовые основы в селькупском языке.

В статье [6] в результате анализа архивного и полевого материала, представленного в современных самодийских языках и диалектах, были сделаны такие выводы:

I. Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней:

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой имеют рефлексы

- 1) долгие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) плюсовая акцентная маркировка в селькупских диалектах (т. е. когда ударение во всех производных фиксировано на корне).

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой имеют рефлексы

- 1) краткие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) корни с минусовой маркировкой в селькупском (т. е. когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

II. Оказалось, что принципиально различается рефлексация ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентной маркировками.

Замечание про ПС гласный *.

На основании сопоставления данных по вокализму в селькупских диалектах с камасинскими материалами мы предлагаем реконструировать три дополнительные фонемы в ПС языке.

Таблица 3

**Рефлексия ПУ гласных первого слога в зависимости
от акцентной маркировки ПС корней**

ПУ гласный первого слога	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>плюсовой</u> акцентной маркировкой (П а.п.)	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>минусовой</u> акцентной маркировкой (П а.п.)
* <i>a</i>	ПС * <i>ā</i> , * <i>v</i>	ПС * <i>ə</i>
* <i>o</i>	ПС * <i>o</i> , * <i>ā</i>	ПС * <i>ə</i>
* <i>u</i>	ПС * <i>u</i> , * <i>л</i>	ПС * <i>ə</i>
* <i>i</i>	ПС * <i>i</i> , * <i>ε</i>	ПС * <i>i</i>
* <i>ā</i>	? ПС * <i>ā</i> , * <i>e</i>	
* <i>ī</i>	ПС * <i>i</i>	ПС * <i>i</i> , * <i>ə</i>
* <i>e</i>	ПС * <i>e</i> , * <i>i</i>	ПС * <i>i</i>
* <i>i</i>	ПС * <i>ā</i>	ПС * <i>i</i> , * <i>ə</i>

Таблица 4

Прасамодийский язык	Северносамодийские языки	Селькупские диалекты	Камасинский язык	ПУ язык
ПС * <i>ā</i> (* <i>ā</i> [4])	ненец. <i>a</i> , энец. <i>a</i> , нган. <i>o</i>	ПСельк. * <i>o</i> /* <i>ō</i> (Сельк. <i>o/ō</i> [9]) > таз., ср.-обск. <i>o/ō</i> , нар. <i>ɔ</i> , кет. ¹ <i>o</i>	кам. <i>a</i>	* <i>a</i> (> саам. <i>Na</i>)
ПС * <i>v</i> (* <i>ā</i> [4])	ненец. <i>a</i> , энец. <i>a</i> , нган. <i>o</i>	ПСельк. * <i>uə</i> /* <i>uō</i> (Сельк. <i>uə</i> [9]) > таз. <i>ε/ē</i> , нар. <i>vε</i> , ср.-обск., кет. <i>Ve</i>	кам. <i>u, o</i>	* <i>a</i> (> саам. <i>Nu</i>)
ПС * <i>л</i> (* <i>ā</i> [4])	ненец. <i>a</i> , энец. <i>a</i> , нган. <i>o</i>	ПСельк. * <i>u</i> /* <i>ū</i> (Сельк. <i>u/ū</i> [9]) > таз., ср.-обск. <i>u/ū</i> , нар., кет. <i>u</i> ; в позиции анлаута таз. <i>wε</i> , нар. <i>va</i>	кам. <i>u, o, u</i>	* <i>o, *u</i>

Из табл. 4 видно, что ПС **ā* в реконструкциях [4] соответствуют три разные гласные в праселькупском языке, имеющие особые соответствия в камасинском и прауральском языках. На основании этого можно предположить, что прасамодийскую систему гласных следует дополнить двумя дополнительными фонемами: ПС **v*, **л*. Полученный инвентарь будет выглядеть так:

$$\begin{array}{cc}
 *i *ī & *j *u \\
 *e *ō *ə *ā *ε *o \\
 *ā *a *v *ā *л
 \end{array}$$

Более того, на основании двух рядов соответствий для ПУ **a*: 1) саам. *Na* – Псельк. **o*/**ō*, кам. *a*; 2) саам. *Nu* – Псельк. **uə*/**uō*, кам. *u, o* мож-

¹ Материал по южным и центральным диалектам селькупского языка взят частично из полевых материалов, собранных на портале lingvodoc.ispras.ru, частично из монографии [33].

но предположить существование двух **a* и в прауральском языке, полную выборку примеров, иллюстрирующую указанные соответствия, см. в [10].

Но для верификации этой реконструкции необходимо найти соответствия ПС в других уральских языках и провести полексемное сравнение этимологически родственных слов с целью выявления прауральского ударения. Поэтому мы далее приведем краткие сведения о системах разноместного ударения в финно-угорских языках, которые были получены в результате анализа 43 диалектов в полевых условиях (словари этих диалектов представлены на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>), более тысячи первых книг, опубликованных до 1917 г., и архивных аудиозаписей. Было выявлено **15 финно-угорских диалектов с разноместным парадигматическим ударением**¹, при этом только в 2 (коми-пермяцком, мансийском тавдинском) оно было отмечено в научной литературе ранее.

– В **6** диалектах (мысовском, кудымкарском, нижнеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка, ижемском диалекте коми-зырянского языка, низямском и салымском диалектах хантыйского языка) парадигматическое ударение было выявлено в результате полевых исследований (2009–2016 гг.).

– В **4** диалектах (иртышском и васюганском диалектах хантыйского языка, пельымском и тавдинском диалектах мансийского языка) парадигматическое ударение отмечено только в архивных данных, некоторые из этих диалектов уже исчезли, другие нуждаются в дополнительных полевых исследованиях для создания аудиословарей.

– В **5** (центральном диалекте эрзянского языка, пермском диалекте марийского языка, ваховском диалекте хантыйского языка, юкондинском и обском диалектах мансийского языка) ударение отмечено как в полевых материалах, так и в архивах, и системы ударения за последние 100–250 лет **не изменились**.

2. Системы разноместного ударения в других уральских языках

2.1. Ударение в финно-волжских языках

В монографии [11] было показано, что проекция современного мокшанского места ударения на прафинно-волжский уровень позволяет решить

¹ В.А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем: «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непроеизводных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [11].

ряд вопросов сравнительно-исторической фонетики и грамматики финно-волжских языков, которые на протяжении прошлого столетия были предметом оживленных дискуссий:

1) описать с минимумом исключений становление системы вокализма в современных мордовских языках в рефлексах ПУ / ФУ / ФП / ФВ **a*, **o*, **u*, **ä*-основах в зависимости от места прафинно-волжского ударения и типа основы.

В табл. 5, 6 представлена схема рефлексов прауральских гласных в мордовских языках в зависимости от прафинно-волжского места ударения, сохранившегося без изменения в пшеновском диалекте мокшанского языка (подробнее см. I главу [11]);

Таблица 5

**Рефлексы ПУ гласных в мордовских языках в зависимости от места ударения.
Заднерядные слова**

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1-й слог)	ПМ *V (2-й слог)			
	* <i>a</i>	ə ₁	- <i>a</i>	ə ₂
* <i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е) ¹	<i>u</i>
* <i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>
* <i>u</i>	o ²	<i>o</i>	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>
* <i>i</i>	o'e(Ā, Ā)	o'e(Ā, Ā)	<i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (М), <i>u</i> / - (/ <i>i</i> / ə) (Е)	<i>u</i>

¹ По реконструкции прамордовского языка, предложенной Г.С. Ивановой в [13], так выглядят рефлексы ПМ **ə* в первом слоге в ФУ **a*-основах. Правило реализации ПМ **ə* по диалектам не вполне ясно. По мнению Г.С. Ивановой, первоначальными рефлексами ПМ **ə* были морд. *u* и *i*, которые в дальнейшем в отдельных диалектах переходят в редуцированный гласный *ə* или выпадают. Процесс такого перехода продолжается и в настоящее время. Г.С. Иванова приводит ряд примеров, где в одном и том же диалекте в одних грамматических формах слово имеет гласный полного образования в первом слоге, а в других слогах – редуцированный. Вот несколько примеров, цитируемых по работе [13], из II типа мокшанских говоров, распространенных на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского (частично), Ельниковского, Зубово-Полянского (частично), Атюрьевского (частично) районов: *sur* ‘палец’ vs *sərne* ‘пальчик’, *sízə* ‘устать’ vs *səzan* ‘я устану’, *səzəndán* ‘я устаю’. По мнению Г.С. Ивановой, факторы, влияющие на редукцию гласных, – это последующие сочетания согласных и тип говора. Например, перед сочетанием согласных с *-r*- ПМ **ə* практически в любом говоре имеет рефлекс *ə*. Во II типе говоров ПМ **ə* значительно чаще имеет редуцированный рефлекс, чем в I и III типах. Но системно описать позиции реализации ПМ **ə* в настоящее время не удастся.

² В результате анализа мы пришли к выводу, что рефлексы ПУ **o*, **u* в **a*-основах в мордовском совпадают, см. выше концепцию Э. Итконена, по которой они различаются.

Таблица 6

**Рефлексация ПУ гласных в мордовских языках в зависимости от места ударения.
Переднерядные слова**

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1-й слог)	ПМ *V (2-й слог)			
	*ä	ə ₃ ¹	-ä	ə ₄
*ä	ä (M), e (E)	e (ä)	i/- (E) i/ə/- (M) ²	i/- (E) i/ə/- (M)
*e	i	e (ä)	i/- (E) i/ə/- (M)	i/- (E) i/ə/- (M)
*i	o/ e(C)	e (ä)	i/- (E) i/ə/- (M)	i/- (E) i/ə/- (M)
*ü	e(ä)	e (ä)	i/- (E) i/ə/- (M)	i/- (E) i/ə/- (M)

2) объяснить причины возникновения I (a-) vs II (e-)спряжений марийских глаголов в зависимости от места прафинно-волжского ударения [11. II глава, I раздел].

В результате анализа по корпусу UEW тех глагольных этимологий с ПУ/ФУ/ФП/ФВ *a-основой, которые имеют рефлекс в мокшанском и марийском языках, получен следующий результат.

В тех случаях, когда рефлекс слов с прафинно-угорской *a-основой имеют в мокшанском языке безударную a-основу, в марийском глагольные рефлекс получают 2 (e)-спряжение.

Рефлекс слов с прафинно-угорской *a-основой имеют в мокшанском языке ударную a-основу, в марийском глагольные рефлекс получают 1 (a)-спряжение;

3) объяснить причины возникновения двух подтипов III склонения существительных с основами, заканчивающимися на -ä vs -é в зависимости от места прафинно-волжского ударения [Там же. II глава, II раздел].

Проведенный анализ существительных III склонения в марийском языке с основами на a-, e-ударное дал следующий результат: в рефлексах прафинно-угорских *a-основ, когда в мокшанском языке существительное с *a-основой имеет ударение на корне и в марийском существительное имеет III склонение, его основа заканчивается на -a, когда в мокшанском языке существительное с *a-основой имеет ударение на окончании и в марийском существительное имеет III склонение, его основа заканчивается на -e;

4) показать, что редуцированные в марийском языке следует реконструировать на прамарийский уровень (на основании внутреннего сравнения современных диалектов марийского языка и анализа болгарских заим-

¹ Помимо влияния на развитие вокализма первого слога ə₃ и ə₄ различаются следующим формальным образом: в ауслауте в мокшанском языке ə₃ имеет рефлекс ä, ə₄ другие рефлекс.

² По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [13], так выглядят рефлекс ПМ *ə в первом слоге в ФУ *ä-основах.

ствований в прамарийский язык); описать причины их возникновения в зависимости от места прафинно-волжского ударения [11. III глава].

Правило рефлексии ФВ **o*, **u* в прамордовском языке выглядит следующим образом:

I тип рефлексов – место ударения на первом слоге: ФВ * <i>u-a</i> > Пморд. * <i>o</i> , Пмар. * <i>u</i> ¹
II тип рефлексов – место ударения на втором слоге: ФВ * <i>o-a</i> [э], * <i>u-э</i> > Пморд. * <i>u</i> (в * <i>э</i> -основах)/* <i>э</i> (в * <i>а</i> -основах), Пмар. * <i>u</i> (в * <i>а</i> -основах), Пмар. * <i>o</i> (2-спряжение глаголов в марийском)/* <i>u</i> (1-спряжение) (в * <i>э</i> -основах) ФВ * <i>u-a</i> > Пморд. * <i>э</i> , Пмар. * <i>ü</i> / <i>ū</i>

2.2. Ударение в пермских языках²

Первой работой, в которой было доказано существование подвижного ударения в прапермском языке, мы считаем монографию М. Гейслера [14]. На основании анализа синкопы в пермских языках М. Гейслер доказывает, что на определенном этапе развития в прапермском языке было подвижное ударение, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском диалекте. Однако М. Гейслер, видимо находясь под влиянием господствующей традиционной теории о том, что в прафинно-угорском языке ударение было фиксировано на первом слоге, постулирует для прапермского языка два периода: на первом этапе в протопермском языке ударение было фиксировано, по его мнению, на первом слоге; на втором этапе в прапермском языке ударение стало подвижным и по месту совпадало с ударением, которое представлено в современном коми-язьвинском диалекте. В работе [15] было показано, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализирующей» позиции³ и в нейтральной позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [16]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести⁴. В нейтральной позиции развитие ПУ / ФУ / ФП гласных первого слога за-

¹ В словах со структурой CVV > Пмар. **u*/**o*.

² Данные по анализу ударения в пермских языках приводятся более подробно по сравнению с разделами о финно-волжском и хантыйском ударении в связи с тем, что они еще не опубликованы в полном объеме.

³ Перед следующими согласным и группами согласных: : ПУ / ФУ / ФП **s*, **śk*, **ś*, **śk*, **n*, **nc*, **nc*, **j*, **jk*, **t* (> ПП **o*), **ŋ* (> ПП **o*), **gś*, **l*/*δ*, **lj*, **lw*, **lm*, **k* (> ПП **o*), **ks*, **p* (> ПП **o*), **ps*, **śj*, **rs*, **tj*.

⁴ В этих позициях решающим фактором для развития прапермского вокализма тоже является прапермское ударение. Сформулированное для нейтральной позиции правило о том, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения – узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

висит от места прапермского ударения и ПУ / ФУ / ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [3], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте подтверждается (см. анализ полного корпуса примеров в статье [17]). На этом материале подтверждается наша гипотеза, что в позиции под ударением рефлексом прапермской гласной является широкий гласный, а без ударения – узкий. Основываясь на этой закономерности, мы проанализировали материал этимологий из [3], которые не имеют рефлекса в коми-язьвинском диалекте (т. е. однозначных указаний на прапермское ударение нет), но их рефлексы представлены в других диалектах одного или двух пермских языков. Полный анализ материала представлен в работе [17], здесь приведем только таблицу, иллюстрирующую эту гипотезу.

Таблица 7

**Рефлексаия ПУ гласных первого слога в пермских языках
в зависимости от места ударения**

ПУ / ФУ / ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
* <i>a-a</i>	* <i>a</i>	* <i>u</i> , * <i>ü</i>
* <i>o-a</i>	* <i>a</i> , * <i>o</i>	* <i>u</i> , * <i>ü</i>
* <i>u-a</i>	* <i>o</i>	* <i>ü</i>
* <i>i-a</i>	* <i>i</i> , * <i>o</i>	* <i>ü</i>
* <i>ä-ä</i>	* <i>e</i>	* <i>ü</i>
* <i>ü-ä</i>	* <i>e</i>	* <i>ü</i>
* <i>e-ä</i>	* <i>o</i> , <i>e</i> (?)	* <i>u</i>
* <i>i-ä</i>	—	—
* <i>a-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>u</i> , * <i>ü</i>
* <i>u-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>u</i> , * <i>ü</i>
* <i>o-e</i>	* <i>ö</i>	* <i>u</i> , * <i>ü</i>
* <i>e-e</i>	* <i>ö</i> , <i>e</i> (?)	* <i>u</i>
* <i>ä-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>ü</i>
* <i>ü-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>ü</i>
* <i>i-e</i>	* <i>ε</i>	* <i>ü</i>

В табл. 8 представлено развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах¹.

¹ В настоящей работе мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, которые встречаются в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [16]. В нескольких местах мы позволили себе отступить от транскрипции В.И. Лыткина и убрать диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, потому, что второй член оппозиции по закрытости vs открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать

Рефлексация прапермских гласных в коми и удмуртском языках¹

ПП	Коми-удм.
* <i>a</i>	вс. <i>ɑ</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i> – <i>u</i>
* <i>o</i>	вс. <i>ɑ</i> , остальные <i>o</i> – <i>u</i>
* <i>ō</i>	вс. <i>ɑ</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i> – юз. <i>u</i> , остальные <i>u</i>
* <i>e</i>	<i>e</i> – <i>e</i> , <i>o</i>
* <i>ɛ</i>	виш., воств. <i>o</i> , остальные <i>ɛ</i> – общеудмуртский <i>ɛ</i> , остальные <i>ɛ</i>
* <i>i</i>	воств. <i>ɛ</i> , кя. <i>i</i> , остальные <i>e</i> – остальные <i>o</i>
* <i>u</i>	<i>u</i> – <i>u</i>
* <i>ü</i>	виш., воств. <i>u</i> , кя. <i>ə</i> , остальные <i>i</i> – юз. <i>ə</i> , остальные <i>i</i>

Но очевидно, что для верификации гипотезы о первичности ударения и лишь последующем изменении системы вокализма необходимо было дальнейшее исследование акцентных систем пермских языков.

Начиная с 2009 г. нами были обследованы с точки зрения ударения 6 словарей исконной лексики всех групп (северной, срединной, южной, крайне-южной и 2 словаря бесермянского наречия) удмуртских диалектов и 6 словарей диалектов коми языков (4 словаря диалектов коми-пермяцкого языка: мысовского (северного), кудымкарского (южного), 2 словаря на нижнеиньвенском (южном) диалектах коми-пермяцкого языка, 1 словарь на ижемском диалекте коми-зырянского языка, 1 словарь коми-язьвинского языка). В результате анализа этих словарей и привлечения данных было установлено, что в удмуртском языке разноместное фонологическое ударение действительно отсутствует.

В современном коми-язьвинском языке ударение соответствует правилу, описанному В.И. Лыткиным, согласно которому постановка ударения в большинстве случаев определяется звуковым составом слова: если в первом слоге многосложных слов находятся неузкие гласные *a*, *o*, *ō*, *e*, они всегда принимают на себя ударение, а гласный *ə*, который в коми-язьвинском говоре принадлежит к среднему подъему и в других диалектах ему обычно соответствует узкий *i*, всегда отталкивает ударение на последующий слог. Как ударными, так и безударными в первом слоге многосложных слова могут быть только коми-язьвинские узкие гласные *u*, *ü*, *i* [18. С. 33–34]. Они притягивают ударение, если в других коми диалектах им соответствуют неузкие *o*, *ɛ*, *e*, и отталкивают его, если в других коми диалектах им соответствуют узкие *u*, *i*. Отсюда легко реконструируется прежнее состояние, в котором неузкие гласные всегда притягивали ударение, а узкие отталкивали. Затем некоторые ранее неузкие гласные сузились, что и привело к сложению современной язьвинской качественно-вокальной

после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализирующей позиции.

¹ Таблица рефлексации в усеченном виде взята из [19].

акцентуации [18. С. 106]. Как указал В.В. Понарядов [20. С. 757], «в близком коми-язьвинскому оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [21. С. 26–27; 22. С. 30–33]. Проведенный анализ места ударения в ижемском диалекте коми-зырянского языка в непроизводных словах позволяет выявить аналогичное правило. В производных словах место ударения зависит от типа суффикса, часть суффиксов перетягивают ударение, другие – всегда безударны».

Но полевые материалы, собранные Р.И. Идрисовым в 2015 г. по южному – **кудымкарскому** (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>) диалекту коми-пермяцкого языка, и словари с большими глагольными парадигмами, собранные в 2016 г. Л.Г. Пономаревой по южному – **нижнеиньвенскому** (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/770/32463/perspective/770/32464/view>) диалекту коми-пермяцкого языка, позволяют уже на этапе внутренней реконструкции склониться к гипотезе о первичности ударения и вторичности процессов изменения гласных в коми языке.

2.2.1. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка

В 2016–2018 гг. Л.Г. Пономарева в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км друг от друга (с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево), собрала полные глагольные парадигмы исконной лексики от носителей **нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка**, в идиолектах которых сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Сама Л.Г. Пономарева родилась в с. Доег и является носителем нижнеиньвенского диалекта, но в ее речи, так же как и у большинства жителей этих сел, ударение падает на первый слог глагольной словоформы, вероятно, под влиянием литературного языка. Но у ряда носителей сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Такая поставновка ударения была обнаружена Л.Г. Пономаревой в идиолекте Алексея Алексеевича Мальцева, 1959 г.р. (родился в с. Доег). Близкая, но несколько отличная система ударения в глагольных парадигмах была выявлена у его жены Маргариты Алексеевны Мальцевой, которая родилась в 1961 г. в д. Пиканово (5 км от с. Доег).

Ранее в монографии Р.М. Баталовой, посвященной описанию этого диалекта [23], отмечалось, что в нем присутствует разноместное ударение, не зависящее от качества гласных: в случае широких гласных ударение чаще падает на первый слог, ср. *на́чкõтас* ‘зарезет’, *на́сьтõtõны* ‘одевают’, *но́бõтас* ‘отнесёт’, но есть примеры и *босьтáн* ‘возьмешь’, *сёйõны* ‘кушают’, *пантáсь* ‘и не встретишься’, *нармáн* ‘грабли’. Гласные *и*, *у* (коми-язьвинское *й*) могут быть ударными в том случае, если они исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, например: *чигны* «сломаты», *ситиõм* ‘такой’, *игõ*, *инõ*, *изõ баитõ* ‘мы, вы, они не говорили’. Но Р.М. Баталова отмечает, что «в этих словах ударение не всегда удерживается на *и*, *э*, *а* по аналогии

с другими словами, где корневые *и, ы, у* не удерживают на себе ударение», и тогда оно падает на последующий слог, т.е. на словообразовательный или словоизменительные суффиксы, например: *чигіс* ‘сломался’, *сітішмō* ‘такого’, *йиммэз* ‘иглы’, *умōль* ‘плохой’, *унмōсси* ‘заснул’.

Опрос носителей и анализ записанных данных в фонетической программе Праат позволил выявить в каждом из говоров **четыре акцентные парадигмы** в глагольной словоформе¹.

В **I парадигме** в д. **Пиканово, с. Доег** ударение во всех формах падает на гласный первого слога.

Во **II парадигме** в д. **Пиканово, с. Доег** ударение в настоящем времени падает на первый слог, а в прошедшем – на второй.

В **IIIa парадигме** в д. **Пиканово** ударение падает на второй слог в единственном числе настоящего и прошедшего времени, за исключением 3 л. ед.ч. настоящего времени: в этой форме, как и во множественном числе, ударение падает на первый слог; в **с. Доег** в этих словах ударение всегда падает на первый слог, т. е. они относятся к **I а.п.**

В **IIIb акцентной парадигме** в **с. Доег** ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед.ч., 1, 3 л. мн.ч. настоящего времени, 3 л. ед.ч. прошедшего времени; в говоре д. **Пиканово** все глаголы этого класса имеют ударение на втором слоге и относятся к **IV а.п.**

В **IV парадигме** ударение всегда падает на второй слог.

В идиолекте более молодого носителя из д. Пиканово, Геннадия Николаевича Бычкова, 1975 г. р., зафиксированы уже только три акцентные парадигмы: II а.п. совпала с IIIa а.п., в настоящее время в обеих представлено разноместное ударение в глаголах с широким гласным первого слога как в настоящем, так и в прошедшем времени аналогичное IIIa а.п. у М.А. Мальцевой.

По данным Р.М. Баталовой [23. С. 93–94], в говорах населенных пунктов Тимино и Тукачево, которые располагаются на расстоянии 13 и 30 км на северо-восток от с. Доег и д. Пиканово, наблюдается особая система ударения, отличная от «доеговской».

Действительно, и по современным полевым записям, у Галины Павловны Семушевой, 1950 г. р., из с. Тимино тоже представлены только три акцентные парадигмы: IIIb а.п. с разноместным ударением у глаголов с узким гласным в первом слоге совпала с I а.п., и ударение в части слов с узкими гласными в корне оказалось фиксировано на первом слоге, что отмечает в качестве диагностической особенности этого говора и Р.М. Баталова [23. С. 94], т. е. система ударения, представленная у Г.П. Семушевой, является достаточно архаичной и была отмечена у носителей говора в середине XX в.

¹ Надо отметить, что этим носителям было очень тяжело спрягать глаголы, более охотно они переводили рассказы, поэтому в настоящее время собрано лишь несколько десятков глаголов с полными акцентными парадигмами, от других слов спрашивались только диагностическая форма 3 л. ед.ч. настоящего времени.

У молодой носительницы говора Марии Александровны Тукачевой, 1984 г. р., из д. Тукачево, которая по состоянию здоровья не училась в школе, частично сохраняется различие четырех акцентных парадигм. В словах с широкими гласными ударение полностью совпадает с говором Г.Н. Бычкова из д. Пиканово, т. е. представлены I а.п. (ударение фиксировано на первом слоге) и Ша а.п. (разноместное ударение в настоящем и прошедшем времени). Но, интересно, что у нее в словах с узкими гласными частично сохраняется различие парадигм Шб (разноместное ударение), например у глагола *тун-* 'идти', и IV а.п. (ударение фиксировано не на первом слоге), например у глагола *тис-* 'мыть'. Но в большинстве случаев эти глаголы получают фиксированное ударение на первом слоге (I а.п.) под влиянием литературного языка, в то время как у Г.Н. Бычкова в «доеговском» они получают IV а.п. К сожалению, в монографии Р.М. Баталова [23] при описании ударения в этом говоре приводит лишь несколько слов, и не вполне понятно, имел ли место переход глаголов с узким гласным первого слога в I а.п. в середине и конце XX в.

Таким образом, сравнивая данные по ударению, полученные от носителей разных говоров нижнеиньвенского диалекта, можно сделать вывод, что четыре акцентные парадигмы являются достаточно архаичными и представлены у носителей из разных ареалов этого диалекта:

Т а б л и ц а 9

Акцентные парадигмы нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка

Пранижнеиньвенский язык		Доеговский говор			Тиминский говор	Тукачевский говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1-го слога – широкий	I а.п. ударение фиксировано на корне	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
гласный 1-го слога – широкий	II ¹ а.п. разноместное ударение	II а.п.	Ша а.п. и II а.п.	Ша а.п.	III а.п.	Ша а.п.
гласный 1-го слога – узкий	III ² а.п. разноместное ударение	Шб а.п.	IV а.п.	IV а.п.	I а.п.	III а.п. (в виде реликтов)

¹ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Ша а.п. у М.А. Мальцевой, см. табл. 7, поскольку такая а.п. представлена у носителя из д. Пиканово и д. Тукачево, которые отдалены на 30 км, а появление акцентной кривой по типу II а.п. у А.А. Мальцева, очевидно, является инновацией с. Доег. У М.А. Мальцевой, которая уже несколько десятилетий живет с мужем в с. Доег, представлены обе акцентные кривые, sporadически заменяющиеся друг на друга.

² Акцентная кривая, видимо, совпадала с Шб у А.А. Мальцева, см. табл. 6, поскольку именно она представлена у носительниц из тиминского и тукачевского говоров.

Пранижне-иньвенский язык		Доеговский говор			Тиминский говор	Тукачевкий говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1-го слога – узкий	IV а.п. ударение фиксировано не на первом слоге	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п. (в виде реликтов)

Таким образом, становится ясно, что в говорах нижнеиньвенского диалекта зафиксировано разноместное парадагматическое ударение и оно не связано напрямую с качеством гласного первого слога, реконструируются IV а.п., которые, как будет показано в выводах, являются архаическим наследием прауральского языка-основы.

2.2.2. Кудымкарский диалект коми-пермяцкого языка

Еще одно подтверждение гипотезы о первичности разноместного ударения в пермских языках, значимое как для внутренней реконструкции, так и для внешней, мы нашли в аудиословарях по южному – **кудымкарскому диалекту** (д. Большая и Малая Серва) (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>) коми-пермяцкого языка. В [23] отмечается, что в федоровском говоре кудымкарского диалекта в непроемных словах отмечены следы разноместного ударения, отличающегося от литературного коми-пермяцкого языка и не зависящего от состава гласных в словоформе, ср. *póndic vudný* ‘зачесалось’, *ménö и гиждó сия* ‘он и меня записывает’. К сожалению, у нас нет записей глагольных парадигм из с. Большая и Малая Серва, их сбор планируется в будущих экспедициях. Но анализ даже начальных форм показал, что, как указывала и Р.М. Баталова, в непроемных словах¹ место ударения не всегда зависит от качества гласного первого слога. Было выявлено, что при первом узком гласном ударение может падать как на первый, так и на второй слог: кудым. *ívin-* (Д1 0.151, И1 63.075; Д2 0.078, И2 63.41) ‘далеко’ (ПП. **ül-*), кудым. *kún'ni* (Д1 0.105, И1 52.97; Д2 0.053, И2 51.178) ‘закрыть глаза’ (< ПП. **kuñ-*) vs кудым. *kírím* (Д1 0.029, И1 49.069; Д2 0.134, И2 56.386) ‘горсть’ (< ПП. **kürym*), *jurei* (Д1 0.056, И1 36.89; Д2 0.248, И2 43.185) (ПП. **jur-** *ši*) ‘волосы’ вне зависимости и от прапермского качества этого гласного. Основной характеристикой ударного гласного является большая длительность, которая иногда в полтора-два раза превышает длительность безударного гласного в этом слове. В ряде случаев ударный гласный маркируется и большей интенсивностью, но в открытом ауслутом втором слоге в большинстве случаев более интенсивный гласный первого слога вне зави-

¹ В производной лексике место ударения, видимо, зависит от типа суффикса и в большинстве слов совпадает с литературным языком. Полное описание системы ударения в этих диалектах еще предстоит подготовить.

симости от места ударения, поэтому для носителя русского языка в таких случаях, когда длительность и интенсивность маркируют разные слоги, не всегда ясно на слух, как поставить ударение. В связи с этим для непроезженных лексем кудымкарского диалекта была произведена разметка спектрограмм на отдельные звуки в фонетической программе Праат (результаты этой обработки представлены в онлайн-словаре на сайте <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>, можно выбрать опцию Tools > Phonology и загрузить файлы Экселя с результатами обсчета данных разметки спектрограмм, представленных на сайте; здесь и далее¹ для гласных этого говора мы приводим сведения по длительности и интенсивности, верифицирующие место ударения).

Предварительное² соотнесение данных по ударению в глаголе с доеговским нижнеиньвенским говором показывают, что есть два акцентных типа с узким гласным первого слога:

1) когда глагол имеет Шб а.п. (ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени), то в записанных Р.И. Идрисовым кудымкарском словаре глагол в инфинитиве имеет ударение на первом слоге: кудым. *viēni* (Д1 0.079, И1 51.298; Д2 0.039, И2 42.760), доег. нижнеин. *viēni* (Шб а.п.) 'болеть'; кудым. *vidzni* (Д1 0.092, И1 47.858, Д2 0.087, И2 52.196), доег. нижнеин. *vidzni* (Шб а.п.) 'держат'; кудым. *kiceini* 'литься' (Д1 0,080, И1 41,30; Д2 0,69, И2 43,06; Д3 0,066, И3 38,37), доег. нижнеин. *kiceini* (Шб а.п.) 'вылить';

2) когда в доеговском говоре у глагола IV а.п. (ударение по всех формах настоящего и прошедшего времени падает на второй слог), то в кудымкарском диалекте ударение в инфинитиве глагола приходится на второй слог: кудым. *kusni* (Д1 0,162, И1 74,17; Д2 0,224, И2 68,80), доег. нижнеин. *kusni* (IV а.п.) 'гаснуть'; кудым. *funi* (Д1 0,064, И1 52,99; Д2 0,111, И2 48,17) 'говорить', доег. нижнеин. *funni* (IV а.п.) 'сказать'.

При анализе данных по ударению в именах с двумя узкими гласными в кудымкарском говоре и литературном коми-пермяцком языке³ по словарю [24] оказалось, что место ударения в подавляющем большинстве таких слов совпадает.

Насколько нам известно, ранее в литературе не было дано объяснения, в каких случаях в непроезженных словах с двумя узкими гласными в ко-

¹ Эксплицитное указание на длительность и интенсивность гласного приводится в статье в тех случаях, когда постановка ударения не очевидна на слух для носителя русского языка. В остальных примерах эту информацию можно получить на сайте в онлайн-словаре (<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>).

² В настоящее время примеров глаголов с III а.п. в доеговском нижнеиньвенском говоре найдено менее десяти, поскольку удалось собрать акцентную парадигму лишь от нескольких десятков глаголов.

³ В непроезженных глаголах с двумя узкими гласными в литературном коми-пермяцком языке ударение всегда падает на первый слог в отличие от кудымкарского и нижнеиньвенского диалектов, в которых ударение, как было показано выше, может быть и на первом, и на втором слоге.

ми-пермяцких диалектах ударение ставится на первый слог, а в каких на второй. Представляется, что факт наличия разноместного ударения в словах с узкими гласными в различных коми-пермяцких диалектах и литературном языке указывает на первичность ударения по отношению к происхождению систем современных гласных в диалектах коми языков, поскольку становится ясно, что место ударения не во всех случаях связано с качеством гласных.

2.3. Ударение в хантыйских диалектах

В 2011 г. во время работы в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки с архивом М.А. Кастрена было обнаружено, что в его записях зафиксировано разноместное ударение в южнохантыйских диалектах на Иртыше. Это чрезвычайно ценные данные, поскольку в настоящее время южнохантыйских диалектов уже нет. В списке М.А. Кастрена представлено около 200 слов, в подавляющем большинстве непроемных существительных и глаголов в форме 1 л. ед. ч. настоящего или прошедшего времени и инфинитива. В инфинитивах ударение падает всегда на первый слог, а в косвенных падежах имен и в форме 1 л. ед. ч. настоящего или прошедшего времени глаголов ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Какую-либо зависимость от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставляют предположить, что в южнохантыйских диалектах в непроемных словах было представлено парадигматическое фонологически значимое ударение.

Учитывая, что аналогичные системы были выявлены в центральных и южноселькупских диалектах (экспедиции 2009–2010 гг., архивные данные М.А. Кастрена, А.П. Дульзона) [25], во всех ненецких диалектах (экспедиции М.К. Амелиной 2009–2012 гг.) [26, 27] и в качестве рудиментов в энецком языке (архивные данные М.А. Кастрена) и полевые данные на портале lingvodoc.ispras.ru [28], можно предположить, что парадигматическое ударение в уральских языках является весьма древним. Поэтому представлялось целесообразным продолжить его поиск в других хантыйских и мансийских диалектах.

Работа по поиску таких систем ведется нашим коллективом в рамках работ по грантам Президента РФ, РГНФ, РНФ. За последние 8 лет была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где в результате контактов с местной администрацией было установлено, что там проживают ханты или манси, владеющие родным языком: к березовским, казымским, шурышкарским, низямским, салымским, сургутским, васюганским, александровским, ваховским хантам, среднеобским, юкондинским, сосвинским манси. Было выявлено, что в большинстве северо-западных диалектов хантыйского языка ударение фиксировано на первом слоге. Ситуация с ударением в шурышкарском диалекте нуждается в дальнейших исследованиях. Оно явно разноместное, что отмечают и сами носители языка, но при анкетировании С.В. Ониной был зафиксирован ряд слу-

чаев, когда одна и та же словоформа в разных контекстах имела ударение то на первом, то на втором слоге. Представляется, что анализ полного материала словаря и представительного числа контекстов в фонетической программе Praat позволит описать эту систему. В салымском¹, васюганском, ваховском диалектах, которые считаются восточнохантыйскими, видимо, представлено ударение, которое особым образом зависит от состава гласных в словоформе, ср. [30], а в низямском диалекте хантыйского языка, промежуточном между северо- и юго-западными, в кондинском, обском, сосвинском (д. Хулимсунт) диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение. В каждом диалекте был записан полный словник всей исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей языка². В настоящее время эти словари можно найти на сайте lingvodoc.ispras.ru.

Сопоставление низямских³ данных с материалами М.А. Кастрена по иртышскому диалекту, проведенное в [31], позволило сделать следующий вывод. В непроезженных словах ударение в современном низямском диалекте и ударение южнохантыйских данных М.А. Кастрена, записанных на Иртыше, полностью совпадают, и оно может быть фиксировано либо на корне, либо на окончании. Поскольку ни в материалах М.А. Кастрена, ни в полевых записях от носителей низямского диалекта не представлены развернутые парадигмы, то вопрос о наличии изменения места ударения при словоизменении остается открытым. В словообразовательных производных в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроезженных форм в словаре не позволяет установить ак-

¹ Этот диалект, по данным предшествующих исследователей (см. [29]), относится к уже исчезнувшему. М.К. Амелина нашла несколько десятков людей, хорошо владеющих диалектом, но их них лишь одна женщина, Светлана Петровна Каюкова, согласилась сотрудничать.

² Исключение составляет салымский диалект, где словник был записан от одной носительницы говора и не полностью.

³ Записи по низямскому диалекту были сделаны С.В. Онойной: была проведена экспедиция к последним носителям низямского диалекта, живущим изолированно от носителей казымского диалекта, наиболее распространенного и положенного в основу литературного языка. Было проанкетировано два человека пожилого возраста (старше 60 лет), живущих изолированно в лесах: Ольга Сергеевна Хорова, Сергей Николаевич Хоров. Родным диалектом они владели все-таки весьма слабо (основной язык общения – русский). От каждого носителя было записано около 200 слов исконной лексики, для каждого слова – несколько контекстов с разными парадигматическими формами. Затем С.В. Онина опросила свою более молодую коллегу-филолога (Антонину Николаевну Никонову), которая специально поддерживает хороший уровень владения родным низямским диалектом, при том что она работает и преподает на казымском. Эта носительница начитала в студийных условиях на диктофон полный словарь низямского диалекта (около 2500 слов), но, к сожалению, без контекстов и парадигматических форм. Несмотря на это, материал, представленный ею, очень ценный, потому что последние данные о низямском диалекте были записаны более 80 лет назад, а сейчас он находится на грани исчезновения. Обработанный, затранскрибированный А.А. Козловым, проэтимологизированный Ю.В. Норманской, этот словарь доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/654/3/perspective/654/4/view>.

центный тип корня. Это ударение, видимо, следует реконструировать для прахантыйского языка, поскольку, с одной стороны, в восточных диалектах представлена явно инновационная система ударения, связанная с прахантыйским качеством гласного, а с другой стороны, низямско-иртышские а.п. имеют и надежные соответствия в других уральских языках.

2.4. Соответствие прапермского ударения в мансийских диалектах

Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе В. Munkácsi [35]. Он приводит парадигмы глагола для северных, восточных, западных и южно-мансийских диалектов.

Для **тавдинского (южного) диалекта** Б. Мункачи выделяет две акцентные парадигмы: у одной части глаголов с одним и тем же типом спряжения ударение фиксировано на первом слоге, а у дркгой – на втором. К сожалению, материал, приведенный в монографии [35], нельзя назвать исчерпывающим. Как было сказано выше, в качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводится лишь несколько лексем. Более информативен в этом плане словарь [36]. В нем практически для каждой глагольной южномансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени, по которому можно судить, относился ли глагол к первой или второй акцентной парадигме, место ударения в которых указано в [35]. К сожалению, в словаре отсутствуют данные о разноместном ударении в восточных и западных диалектах, которое было отмечено в монографии.

В материалах А. Каннисто также отмечено ударение в южномансийских диалектах. Однако в недавно опубликованном словаре [37] в двухсложных словах или основах ударение в тавдинском диалекте всегда стоит на втором слоге, как в глаголах, так и в именах. Этот факт отмечен и в монографии [38. С. 15].

Таким образом, наблюдается противоречие между данными Б. Мункачи и А. Каннисто. В именах, по Б. Мункачи, в тавдинском диалекте ударение всегда падает на первый слог, по материалам А. Каннисто – на второй. В тех глаголах, в которых, по А. Каннисто, ударение фиксировано на втором слоге основы, по Б. Мункачи, оно может быть в форме третьего лица множественного числа настоящего времени как на первом слоге, так и на втором. Как объяснить это противоречие, не вполне ясно. Но как будет показано ниже, ударение в тавдинских формах, по Б. Мункачи, достаточно точно соответствует современным полевым данным.

В 2013 г. М.К. Амелина предприняла экспедицию в д. Шугур Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с целью сбора материала по юкондинскому диалекту мансийского языка¹, в резуль-

¹ В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Елизавета (Анна)¹ Ивановна Селиванова (урожд. Нохова) (1923 г. р., на момент записи – 89 лет) и Максим Семенович Шивторов (1939 г. р., на

тате в собранном материале были выявлены три акцентные парадигмы в глаголах, словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view>, более подробная информация о нем представлена в статье [39].

Как было сказано выше, разноместное ударение в северномансийских диалектах, насколько нам известно, отмечено ранее не было. Но в результате полевой работы в 2013 г. в двух селах Октябрьского района ХМАО – Нижние Нарынкары и Перегрёбное – было выявлено разноместное ударение в глагольных парадигмах среднеобского диалекта мансийского языка¹. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view> более подробная информация о нем представлена в статье [39], а в 2016 г. в с. Хулимсунт Березовского района ХМАО в глагольных парадигмах сосвинского диалекта мансийского языка. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/660/7/perspective/660/8/view>.

Ниже приведем глагольные акцентные парадигмы в двух северных (среднеобском и сосвинском) и одном восточном (юкондинском) мансийских диалектах, выявленные в результате анализа в фонетической программе Праат полевого материала по северным и восточному мансийским диалектам.

Во всех рассматриваемых мансийских диалектах было выявлено три акцентных парадигмы: в первой ударение фиксировано на первом слоге, во

момент записи – 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М.К. Амелиной из д. Шугур, 2 апреля 2013 г., Е.И. Селиванова скончалась. Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что по сравнению с литературным северномансийским в восточномансийском диалекте представлены архаические черты – три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте, должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения.

¹ Он опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка из д. Нижние Нарынкары: Галины Васильевны Бутариной, Нины Иосифовны Куликовой, Зинаиды Яковлевны Матвеевой, Клавдии Семеновны Плехановой – и от двух носителей из с. Перегрёбное – Таисии Григорьевны Гындышевой и Евдокии Григорьевны Ярлиной. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60 лет. В детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык.

второй оно находится не на первом слоге, а в третьей в части форм на первом слоге, а в других на втором.

Опираясь, на существующие материалы, мы сделали попытку реконструировать прамансийскую систему ударения. Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что привлечение материала сосвинского диалекта с. Хулимсунт, собранного в полевых условиях Р.И. Идрисовым в 2016 г., подтверждает гипотезу, выдвинутую в статьях [39, 40], о реконструкции четырех акцентных парадигм для глаголов в прамансийском языке.

Таблица 10

Реконструкция прамансийских акцентных парадигм и их развитие в диалектах

ПМанс.	Сосьв. диал.	Ср.-обск. диал.	Юконд. диал.	Тавд. диал.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.
III а.п.	III а.п.	III а.п.	III а.п.	I а.п.
IV а.п.	I а.п.	III а.п.	III а.п.	II а.п.

3. Внешняя реконструкция прасамодийского ударения

Итак, в результате проведенного анализа было реконструировано разноместное ударение в следующих дочерних уральских языках:

- 1) в ПС языке – две акцентные парадигмы;
- 2) в ФВ языке – две акцентные парадигмы;
- 3) в ПП языке – четыре акцентные парадигмы;
- 4) в ПХант. языке – две акцентные парадигмы;
- 5) в ПМанс. языке – четыре акцентные парадигмы.

Было проведено полексемное сравнение а.п. в дочерних уральских языках с целью реконструкции ПУ системы ударения.

В результате были реконструированы следующие ПУ акцентные парадигмы:

Таблица 11

Прауральские акцентные парадигмы и их соответствия в дочерних языках

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.	ПМанс.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I или III а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.	I или III а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.

Ниже приводится перечень праформ по [3], для которых можно установить а.п. в самодийских языках и еще как минимум в одной языковой семье – ФВ, ПП или ПХант. В таких случаях можно установить ПУ а.п. парадигму. К сожалению, в рамках статьи нет возможности давать обоснование выбора той или иной реконструкции а.п. Но это возможно проверить при обращении к [3]. Таблицы рефлексии гласных в зависимости от ударной vs безударной позиции в ФВ, ПП, ПС приведены в настоящей статье, в большинстве случаев по ним можно установить ФВ, ПП или ПС а.п. Дополнительные критерии уста-

новления места ударения, когда у слова нет рефлекса в мордовских языках или нет прасамодийской реконструкции, и информация о реконструкции ФВ и ПС а.п. для конкретных лексем представлены в [12, 28], здесь приводится лишь иллюстративная форма. Материал по низямскому и иртышскому диалектам хантыйского языка частично дан в статье [31], но учитывая, что там приведены лишь иллюстративные примеры, здесь при указании прахантыйской а.п. мы приводим форму из архива М.А. Кастрена или полевых низямских материалов. Для прамансийского диалекта диагностическими являются глагольные формы юкондинского, обского и сосвинского диалектов из наших полевых записей. Для всех упоминаемых слов эти формы по диалектам приведены в статьях [39, 40] и на сайте lingvodoc.ispras.ru. Во всех диалектах сохранились только три или две а.п. из четырех, которые мы реконструируем для ПМанс. В юкондинском (восточном) совпали I и IV а.п., в обском и сосвинском диалектах (северных) – III и IV а.п. Здесь мы в качестве иллюстрации приводим в первую очередь юкондинскую форму, если она не засвидетельствована, то пример из северных диалектов.

ПУ I а.п.: ФВ I а.п. – ПП I а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. I или III а.п.

1. **amV*- ‘сидеть’ [3. С. 8]: ПС I а.п. (**āmtə* (сев.-самод.) ~ **āmtʒ* (юж.-самод.)) – ПХант. I а.п. (низям. *ómāsty* ‘сидеть’) – ПМанс. I а.п. (юконд. *wōndlat* ‘они сидят’);

2. **kunta* ‘ловить, искать’ [3. С. 207]: ФВ I а.п. (морд. *kunda-* (Е), *kunda-* (*kunda-*) (М) ‘трогать, ловить’ [Raasonen 1992: 956]) – ПС I а.п. (ненец. *χāñje-* (О) ‘ловить’) – ПМанс. I а.п. (сосьв. *xónteyət* ‘найдут’);

3. **kuška* (**koška*) ‘сухой, сохнуть’ [3. С. 223]: ФВ I а.п. (морд. *koške* (Е), *koškä* (М) ‘сухой, тощий’, *koške-* (Е), *koško-* (М) ‘сухой’ [41. С. 872]) – ПП I а.п. (пик. *kōšta* ‘я сушу’) – ПС I а.п. (**kāsə* ‘сухой’ [4. С. 60]);

ПУ II а.п.: ФВ I а.п. – ПП II а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. II или IV а.п.

1. **elä-* ‘жить’ [3. С. 73]: ФВ I а.п. (морд. *eŕa-*, *äŕa-* (Е), *eŕa-* (М) ‘жить’ [4. С. 368]) – ПП II а.п. (пик. *uá*) – ПС I а.п. (ненец. *jīle-* (О) ‘жить’);

2. **kärV* ‘завязывать, шнуровать’ [3. С. 139]: ПП II а.п. (пик. *gərd’á* ‘я вяжу’) – ПС I а.п. (**ker-* ‘надевать’ [4. С. 68]);

3. **kaða* ‘оставлять, покидать’ [3. С. 115]: ФВ I а.п. (морд. *kado-* (Е) *kadə-* (М) ‘оставлять, позволять’ [41. С. 561]) – ПП II а.п. (пик. *kol’á* ‘я оставляю’) – ПС I а.п. (**kājä-* ‘оставлять’) – ПМанс. II а.п. (обск. *χul’ti* ‘остаётся’, *χul’téit* ‘они остаются’);

4. **pele* ‘бояться’ [3. С. 370]: ПП II а.п. (пик. *poá* ‘я боюсь’) – ПС I а.п. (ненец. *pīlū-* (О) ‘бояться’) – ПХант. I а.п. (ирт. *Peédem* ‘я боюсь’) – ПМанс. II а.п. (юконд. *pelí* ‘он боится’, *pel’ét* ‘они боятся’);

5. **tumte* ‘чувствовать, воспринимать, знать’ [3. С. 536]: ПП II а.п. (пик. *tədə*) – ПС I а.п. (**tjumtjə* ‘знать’ [4. С. 167]);

ПУ I или II а.п.: ФВ I а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. (Это те случаи, когда ПП или ПМанс. а.п. не известны)

1. **äjmä* 'иголка' [3. С. 22]: ПП I а.п. (коми *jet* (S) 'игла') – ПС I а.п. (**ejmä* ~ **nejmä*);
2. **aña* 'жена старшего родственника' [3. С. 10]: ФВ I а.п. (морд. *niz-aŋa* 'теща' (E), *aŋaka* 'старшая сестра' (M)) – ПП I а.п. (коми *eñe*, *eña* 'невестка') – ПС I а.п. (ненец. *ñejjè* (O) 'младшая сестра матери' [34. С. 313]¹);
3. **aŋe* 'дыра, нора' [3. С. 11]: ПП I а.п. (коми *vom* (S) 'рот') – ПС I а.п. (**äŋ* 'рот' [4. С. 20]);
4. **aŋtV* (**oŋtV*) 'рот' [3. С. 12]: ПС I а.п. (**ämtä* 'рот' [4. С. 20]) – ПХант. I а.п. (хант. *Onget Castrén*);
5. **apte* 'волос' [3. С. 14]: ПС I а.п. (**eptä* [4. С. 21]) – ПХант. I а.п. (низям. *épat*);
6. **apV* 'старшая женщина в семье' [3. С. 15]: ПС I а.п. (**äpã* 'старшая сестра' [4. С. 21]) – ПХант. I а.п. (низям. *üpi* 'старшая сестра');
7. **ekä* 'старший мужчина в семье' [3. С. 72]: ПС I а.п. (ненец. *n'ekke* (O) 'старший брат' [34. С. 313]²) – ПХант. I а.п. (*Ika Castrén*);
8. **erV* 'большой, много, старый' [3. С. 75]: ПС I а.п. (ненец. *jirī* (O) 'дедушка') – ПХант. I а.п. (низям. *ára*);
9. **icä* 'отец' [3. С. 78]: ФВ I а.п. (морд. *óçä*, Род. *óçäh* (M) 'старший брат со стороны отца' [41. С. 1416]) – ПС I а.п. (**ejsä* 'отец' [4. С. 21]);
10. **jäpse* 'тонкие палочки, копьё' [3. С. 94]: ПП I а.п. (коми *joň* (S) 'тонкие палочки') – ПС I а.п. (**jäpsä* 'палочки для жарки' [4. С. 41]);
11. **järV* 'круг' [3. С. 94]: ПП I а.п. (коми *jer* (S) 'сад овощей') – ПС I а.п. (ненец. *jäp-* (O) 'круг' [34. С. 136–137]³);
12. **jOrtV* 'друг, товарищ' [3. С. 108]: ПП I а.п. (коми *jort* (I P PO) 'товарищ, супруг') – ПС I а.п. (ненец. *jiŋy* (O) 'друг');
13. **kačV* 'подарок, дарить' [3. С. 111]: ПП I а.п. (коми *koçin* (S) 'подарок') – ПС I а.п. (**kesäj* [4. С. 61]);
14. **kajV* (**kojV*) 'ложка' [3. С. 117]: ПП I а.п. (коми *koj* (VU) 'деревянная лопатка') – ПС I а.п. (**kuj* 'ложка' [4. С. 76]);
15. **kala* 'рыба' [3. С. 119]: ФВ I а.п. (морд. *kal* (E), *kal* (M) [41. С. 574]) – ПС I а.п. (**kelä* 'рыба' [4. С. 59]);
16. **kalma* 'труп' [3. С. 119]: ФВ I а.п. (морд. *kalmo* (E), *kalmä* (M) 'гроб' [41. С. 582]) – ПС I а.п. (**kelmz* 'труп' [4. С. 59]);
17. **kälV* (? **kälV-wV*) 'невестка' [3. С. 135]: ПП I а.п. (коми *kel* (*kelj-*) (S) 'невестка') – ПС I а.п. (**kelä* [4. С. 67]);

¹ Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *neje*

² Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *neka*.

³ Для этого слова мы приводим форму из словаря [34], поскольку в словаре [3] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка и оно приведено без долготы в первом слоге *jorka*.

18. **kama* 'кожура' [3. С. 121]: ПП I а.п. (коми *komje* (Le.) 'кожура') – ПС I а.п. (**kətmə* [4. С. 63]);

19. **kanta* 'груз, нести' [3. С. 124]: ФВ I а.п. (морд. *kando* (E), *kandä*, Род. *kandən* (M) 'сваленное дерево, бурелом' [41. С. 595]) – ПС I а.п. (**kente-* 'носить' [4. С. 59]);

20. **kerä* 'легкий' [3. С. 146]: ПП I а.п. (удм. *karimi* (S) 'легкий') – ПС I а.п. (**kejrz-* 'легкий' [4. С. 67]);

21. **kojwa* 'копать, черпать' [3. С. 170]: ФВ I а.п. (морд. *kojme*, *kojmä* (E), *kajmä* Род. *kajmäñ* (M), *kajmä́* (M) [Raasonen 1996, 820]) – ПС I а.п. (**kəjwe*);

22. **komV(rV)* 'пустая ладонь' [3. С. 175]: ФВ I а.п. (морд. *komoro* (E), *komor* (M) 'горсть') – ПП I а.п. (коми *katjir* 'горсть') – ПС I а.п. (**kəme*, **keme* 'раскрытые руки' [4. С. 63]);

23. **koñčkV ~ *kočkV* 'кора дерева' [3. С. 179]: ПП I а.п. (коми *kazm* (S) 'внутренний срез коры сосны') – ПС I а.п. (**kəse* 'кора дерева' [4. С. 65]);

24. **korkV* 'вид дикой утки или чайки' [3. С. 185]: ПП I а.п. (коми *keręg* (S) 'утка') – ПС I а.п. (ненец. *xyaəxo*, *xyaəyxo* (O) 'черная морская чайка');

25. **kučV* 'муравей' [3. С. 192]: ПС I а.п. (**kecz-* 'муравей' [4. С. 65]) – ПХант. I а.п. (низям. *χəfja*);

26. **kulV(-kV)* 'ворон' [3. С. 200]: ПС I а.п. (**kuləjə* 'ворон' [4. С. 77]) – ПХант. I а.п. (низям. *χələx*);

27. **kure* 'завязывать, шнуровать' [3. С. 215]: ПП I а.п. (коми *ker-* (S, P) 'делать складки') – ПС I а.п. (**kure-* ~ (? **kujre-*) 'завязывать' [4. С. 76]);

28. **kurV* 'корзина, сосуд из березы' [3. С. 219]: ПП I а.п. (удм. *kör* (K) 'корзина из коры липы') – ПС I а.п. (**kor* 'сосуд' [4. С. 74]);

29. **läppV* (~ **däppV*, -e-) 'селезенка' [3. С. 242]: ПП I а.п. (коми *lor* (*lorj-*) (S) 'селезенка') – ПС I а.п. (ненец. *garъв* (Nj.) 'селезенка');

30. **mättV* (*mVttV*) 'дом, чум' [3. С. 269]: ПП I а.п. (коми *matę* (S) 'вблизи') – ПС I а.п. (**mət* 'палатка, дом' [4. С. 90]);

31. **miñä* 'невестка, молодая женщина' [3. С. 276]: ПП I а.п. (*mos* (S) 'невестка') – ПС I а.п. (**mej^lə* 'невестка' [4. С. 92]);

32. **ñErV* 'ростки, молодая поросль' [3. С. 331]: ПП I а.п. (коми *ceř* (S) 'росток') – ПС I а.п. (**ceř* 'ива' [4. С. 108]);

33. **numV* 'верх, Бог' [3. С. 308]: ПС I а.п. (**num* 'небо, погода, Бог' [4. С. 108]) – ПХант. I а.п. (низям. *пəтəн*);

34. **oŋtV* 'копье' [3. С. 342]: ПС I а.п. (**oŋtə*) – ПХант. I а.п. (низям. *oŋtə*);

35. **osa* 'ягода' [3. С. 343]: ПП I а.п. (коми *oz* (S) 'ягода') – ПС I а.п. (**wot3*);

36. **pala* 'кусочек, пожирать' [3. С. 350]: ФВ I а.п. (морд. *pal* (E) 'кусочек (о продуктах)', *pal*, Род. *palən* (M) 'мясо' [41. С. 1510]) – ПП I а.п. (коми *palak* (Skr.) 'пласт; ком, комок (земли, навоза, снега)') – ПС I а.п. (**pələ-* 'глотать' [4. С. 116]);

37. **pälä* 'половина, сторона' [3. С. 362]: ФВ I а.п. (морд. *pele* (E), *pälä* (M) 'половина' [Raasonen 1994, 1597]) – ПП I а.п. (коми *peł* (S) 'сторона') –

ПС I а.п. (**peld* ‘половина’) – ПХант. I а.п. (ирт. *Pállek* ‘сторона’, низ. *pélək* ‘сторона’);

38. **pälkä* ‘большой палец’ [3. С. 363]: ФВ I а.п. (морд. *peeka* (E), *pòEkò* (M)) – ПП I а.п. (*pel* (S)) – ПС I а.п. (ненец. *rokge* (O));

39. **piłmV* ‘темный, становиться темный’ [3. С. 381]: ПП I а.п. (коми *petid* (S) ‘темный’) – ПС I а.п. (ненец. *pòewdme* (O));

40. **piŕke* ‘высокий стебель’ [3. С. 397]: ФВ I а.п. (морд. *poŕko* (E), *poŕka* (M)) – ПС I а.п. (**piŕe* ‘ядро’ [4. С. 129]);

41. **sala* ‘прятать, воровать’ [3. С. 430]: ФВ I а.п. (морд. *sala-* (E M) ‘прятать, воровать’, [41. С. 1937]) – ПС I а.п. (**tälä-* ‘воровать’ [4. С. 150]) – ПХант. I а.п. (низям. *tótmaχ* ‘он ворует’);

42. **seŋkV* (**säŋkV*) ‘какой-то член’ [3. С. 439]: ПС I а.п. (ненец. *ŕeŋkät* (P) ‘предплечье’, *täŋkäd* (T) ‘плечо’) – ПХант. I а.п. (низям. *thŋkər* ‘плечо’);

43. **šidä(-mV)* (**süidä(-mV)*) ‘сердце’ [3. С. 477]: ПП I а.п. (коми *ŋeļeļet* (S) ‘сердце’) – ПС I а.п. (**sejə* ‘сердце’ [4. С. 139]);

44. **sVŋčV* (**sVŋčV-IV*) ~ **sVčV* (**sVčV-IV*) ‘ящерица’ [3. С. 454]: ПП I а.п. (коми *жозmul* (S)) – ПС I а.п. (**tjensə* ‘ящерица’ [4. С. 151]);

45. **tijä* ‘узкий’ [3. С. 523]: ФВ I а.п. (морд. *teja* (E), *täjñä* (M)) – ПС I а.п. (ненец. *tije* (O));

46. **watka* ‘очищать кору с дерева’ [3. С. 561]: ФВ I а.п. (морд. *vatka-* (E M)) – ПС I а.п. (ненец. *wətw-* (OP));

47. **woŕa* ‘изгородь’ [3. С. 577]: ПП I а.п. (коми *vož* (Pr. V) ‘сеть для ловли рыбы’) – ПС I а.п. (**wec* ‘изгородь’ [4. С. 151]);

48. **đimä* (**đümä*) ‘клей’ [3. С. 66]: ПП I а.п. (коми *eemeđ-* (S) ‘клеить’) – ПС I а.п. (ненец. *jobme, joŋe* (O));

Исключения:

1. **ŕeŕä* ‘дядя’ [3. С. 34]: ФВ II а.п. (морд. *ŕiŕe* (E) ‘муж сестры, который старше, чем я’, *ŕŕəŋä* St. *ŕŕəŋä-* (M) ‘бабушка со стороны матери’ [41. С. 259]) – ПП I а.п. (коми *жоñ* (S) ‘дядя’) – ПС II а.п. (**ŕiŕə* ‘дядя’ [4. С. 133]);

2. **kOIV* ‘(внутренние) черви’ [3. С. 227]: ПП I а.п. (коми *škol* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *χalo* (O));

3. **lappV* ‘плоский’ [3. С. 237]: ПП I а.п. (коми *lap* (I)) – ПС II а.п. (*lapw-* (O));

4. **paŕV* (**paŕkV*) ‘нора, отверстие’ [3. С. 357]: ПП I а.п. (*paŋkal-* (S) ‘распространяться’) – ПС II а.п. (*paŕo* (O) ‘вагина’);

5. **paŕe* ‘класть, ставить’ [3. С. 353]: ПП I а.п. (коми *peŋ-* (S P) ‘coire cum femina’) – ПС I а.п. (**peŋ-* ‘лежать’ [4. С. 118]) – ПХант. I а.п. (ирт. *Päŋem* ‘я кладу’);

6. **pesä* ‘гнездо’ [3. С. 375]: ФВ I/II а.п. (морд. *piŕe* (E), *piŕä* Род. *piŕəŋ* (M), Raasonen 1994, 1693) – ПП I а.п. (коми *poz* (S)) – ПС II а.п. (**pitə* ‘гнездо’ [4. С. 126]);

7. **tappa* ‘топать ногами, бить стучать’ [3. С. 509]: ФВ I а.п. (морд. *tapa-* (E M) ‘разбить’ [Raasonen 1996: 2264]) – ПП I а.п. (*tapki-* (S) ‘идти, мягко ступая лапами’) – ПС II а.п. (ненец. *tarar-* (O));

ПУ III а.п. ФВ I а.п. – ПП III а.п. – ПС II а.п. – ПХант. II а.п. – ПМанс. II или IV а.п.

1. **ala* ‘место под чем-либо’ [3. С. 6]: ФВ I а.п. (морд. *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [41. С. 22]) – ПП III а.п. (*uljn* (S) ‘под’) – ПС II а.п. (**ilä* ‘почва’ [4. С. 24]);

2. **älV-* ‘поднимать, нести’ [3. С. 24]: ПС II а.п. (**ilä* ‘поднимать’ [4. С. 26]) – ПХант. II а.п. (низям. *adém:ati*);

3. **anV(-ppV)* ‘теща, свекровь’ [3. С. 9]: ПС II а.п. (**inärä* ‘тесть’ [4. С. 24]) – ПХант. II а.п. (низям. *winturá* Лос ‘к свекрови’);

4. **čančV* ~ **čacV* ‘родиться’ [3. С. 53]: ФВ I а.п. (морд. *šačo-*, *čačo-* (E), *šačo-* (M)) – ПП III а.п. (коми *čuž-* (S)) – ПС II а.п. (*tenc* (O) ‘вид’) – ПХант. I/II а.п. (низям. *šóšy*);

5. **ime-* ‘сосать’ [3. С. 82]: ПС II а.п. (*nimhe-* (O)) – ПХант. II а.п. (*emém* Castrén);

6. **imV* ‘старая женщина, бабушка’ [3. С. 83]: ПС II а.п. (**imz-* ‘старая женщина, бабушка’ [4. С. 27]) – ПХант. II а.п. (*Íma* Castrén, низям. *imí*);

7. **ipV* ~ **ipV-sV* ~ **ipV-šV* ‘вкус, запах’ [3. С. 83]: ПП III а.п. (коми *is* (*isk-*) (S)) – ПС II а.п. (**äptä* ‘запах’ [4. С. 16]);

8. **jaka-* ‘разделять, резать’ [3. С. 87]: ФВ I а.п. (морд. *javo-* *java-* (E), *javä-* (M) ‘делить’ [41. С. 503]) – ПП III а.п. (коми *juk-* (S P) ‘отделять’) – ПС II а.п. (**jäkä*);

9. **joke* ‘река’ [3. С. 99]: ПП III а.п. (коми *ju* (S)) – ПС II а.п. (**jäke*) – ПХант. II а.п. (ирг. *Jeagá* ‘река’ – низ. *jučán* ‘река’);

10. **jomV-* ‘идти’ [3. С. 100]: ПС II а.п. (*jäm-* (O) ‘отправляться в путь с караваном оленей’) – ПМанс. IV а.п. (обск. *jómi* ‘он идет’, *jom'égät* ‘они идут’);

11. **kakta* ~ **käktä* ‘два’ [3. С. 118]: ФВ I а.п. (морд. *kavto*, *kafto* (E), *kafta* (M)) – ПП III а.п. (коми *kjk* (S)) – ПС II а.п. (**kitä* ‘два’ [4. С. 71]);

12. **karke* ‘журавль’ [3. С. 128]: ФВ I а.п. (морд. *kargo* (E), *karga* (M)) – ПС II а.п. (**kärä-* (?**käräjä*) ‘журавль’ [4. С. 54]);

13. **karma* ‘хотеть’ [3. С. 128]: ФВ I а.п. (морд. *karma-* (E M)) – ПС II а.п. (ненец. *čarwä-* (O));

14. **kič3* (**küčV*) ‘кнопка, узел’ [3. С. 152]: ПП III а.п. (коми *gizmj* (URS) ‘крепкий узел’) – ПС II а.п. (**sis3(-)* ‘завязка’ [4. С. 141]);

15. **kinče* (**künče*) (~ ? **kiče* (**küče*)) ‘ноготь, коготь’ [3. С. 157]: ПП III а.п. (коми *gjh* (S) ‘ноготь’) – ПС II а.п. (**käte* ‘ноготь’ [4. С. 155]) – ПМанс. II а.п. (обск. *kosčáti* ‘царапается’, *kosčáteit* ‘царапаются’);

16. **kiñe(-IV)* (**küñe(-IV)*) ‘слезы’ [3. С. 159]: ПП III а.п. (удм. *ñin-kjei* (S)) – ПС II а.п. (**käcälä* ‘слезы’ [4. С. 53]);

17. **kintV* (**küntV*) ‘туман, пар, дым’ [3. С. 158]: ПП III а.п. (коми *mjl-kjd* (S) ‘мужество, радость’) – ПС II а.п. (**küntä* ‘дым’ [4. С. 9]);

18. **kolme* (**kulme*) 'три' [3. С. 174]: ФВ I а.п. (морд. *kolmo* (Е), *kolma* (М)) – ПП III а.п. (коми *kujim* (S));
19. **kuma* 'согнутый, гнуться' [3. С. 201]: ФВ I а.п. (морд. *komā-* (Е, М) 'нагибаться', *komaflo-* (Е) 'опрокидывать' [41. С. 839]) – ПП III а.п. (коми *kjmes* (S) 'лоб') – ПС II а.п. (**kāmā-* 'падать' [4. С. 52]);
20. **kuña* 'закрывать глаза, моргать' [3. С. 208]: ФВ I а.п. (морд. *kosa* (Е), *koce-* (М)) – ПП III а.п. (коми *kuc-* (S) 'закрывать глаза') – ПС II а.п. (**kācā-* 'закрывать глаза' [4. С. 53]);
21. **kurV* 'сгибаться' [3. С. 220]: ПП III а.п. (коми *kjriβen* (Lu.) 'косо, недоверчиво') – ПС II а.п. (**kāre*, **kārā-* 'кривой' [4. С. 55]);
22. **lamte* 'низкий, низина' [3. С. 235]: ФВ I а.п. (морд. *lanáda-* (Е, М) 'присесть на корточки, сесть') – ПП III а.п. (коми *lud* (Рей.) 'долина') – ПС II а.п. (**lāmtz-* [4. С. 61]);
23. **lupša* (**lepša*) 'роса' [3. С. 261]: ФВ I а.п. *lakša-* (Е), *leša-* (М) 'быть покрытым инеем' – ПС II а.п. (**jāpte* 'роса' [4. С. 35]);
24. **mānV* 'становиться свободным' [3. С. 268]: ПП III а.п. (коми *mjñ-* (S)) – ПС II а.п. (*mīnarij* (OP) 'толстый олень-бык');
25. **mene* 'идти' [3. С. 272]: ПП III а.п. (тим. *múna*) – ПС II а.п. (**min-* 'ходить' [4. С. 94]) – ПХант. II а.п. (ирт. *Menidém* 'выходил') – ПМанс. II а.п. (юконд. *el miní* 'он уходит', *el minést* 'они уходят');
26. **muna* 'яйца, яички' [3. С. 285]: ФВ I а.п. (морд. *mona* (Е, М) 'яичко' [41. С. 1282]) – ПС II а.п. (**mānā* 'яйцо' [4. С. 86]);
27. **mura* (**murV*) 'кусочек, раскалывать' [3. С. 288]: ПС II а.п. (**mārā* (~ ? **mār*) 'раскалывать' [4. С. 87]) – ПХант. II а.п. (ирт. *Murtém* Castrén);
28. **mura* 'вид ягоды' [3. С. 287]: ПП III а.п. (коми *mjř-pon* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *maran̄ka* (O));
29. **nime* (? **lime*) (**nime* (? **lime*) / **nime*) 'имя' [3. С. 305]: ПП III а.п. (коми *sim* (S)) – ПС II а.п. (**nim*, **nȳm* 'имя' [4. С. 102]);
30. **nirV* 'царапать, скрести' [3. С. 320]: ПП III а.п. (коми *ciral-* (S)) – ПС II а.п. (ненец. *cira-* (Sjo. Lj.));
31. **niwa* (**niŋa*) 'удалять волосы' [3. С. 306]: ФВ I а.п. (морд. *nevélde-* (Е) 'очищать от чешуи, обваривать кипятком', *nevélđā-* (М) 'ощипывать' [41. С. 1396]) – ПС II а.п. (**nij̄kā-* ~ **nij̄kā-* 'ощипывать' [4. С. 102]) – ПМанс. IV а.п. (юконд. *n'céwat* 'ощипывают');
32. **norV* 'болото' [3. С. 324]: ПП III а.п. (коми *cur* (S)) – ПС II а.п. (*surka* (O) 'осина');
33. **paŋka* 'завязка' [3. С. 354]: ФВ I а.п. (морд. *paŋgo* (Е), *paŋga* (М) 'женский головной убор') – ПС II а.п. (**pāŋkā* 'вена' [4. С. 113]);
34. **piđe* (~ *kā*) 'высокий, длинный' [3. С. 377]: ПС II а.п. (**pirā* 'высота' [4. С. 125]) – ПХант. II а.п. (низям. *kārās pādāt*);
35. **pOca* 'ласка' [3. С. 412]: ФВ I а.п. (морд. *paua* (Е М)) – ПС II а.п. (**picā* 'бобр' [4. С. 129]);
36. **pučV* 'выливаться' [3. С. 399]: ФВ I а.п. (морд. *puoodo-* (Е М) 'насыпать, рассыпать') – ПП III а.п. (тим. *búždi* 'я осыпаюсь') – ПС II а.п. (ненец. *pudarə-*, *pidarə-* (O) 'падать');

37. **ṛuna* ‘плести’ [3. С. 402]: ФВ I а.п. (*rona* (E M)) – ПП III а.п. (*ṛin-* (Le.)) – ПС II а.п. (**ṛən-* ‘плести’ [4. С. 113]);

38. **ṛura* ‘сверлить’ [3. С. 405]: ПП III а.п. (*ṛir* (P)) ‘через’) – ПС II а.п. (**ṛəṛəjəṛ* сверло’ [4. С. 114]);

39. **pOrV* ‘бегать, прыгать’ [3. С. 414]: ПМанс. IV а.п. (юконд. *péurəli* ‘он прыгает’, *péurələn* ‘они прыгают’ – обск. *púrge* ‘он прыгает’, *purgéiht* ‘они прыгают’) – ПС II а.п. (ненец. *partam-* (O) ‘внезапно выпрыгивать’);

40. **šilmä* ‘глаз’ [3. С. 479]: ФВ I а.п. (морд. *šélme* (E), *šélmä* Pl. *šélmät* (M) [Raasonen 1996: 2128]) – ПП III а.п. (*šín* (*šínnt-*) (SP)) – ПС II а.п. (**šəjmd* ‘глаз’ [4. С. 132]);

41. **soksV* (**saksV*, **seksV*) ‘сосна кедровая сибирская’ [3. С. 445]: ПП III а.п. (*sus-pu* (V Ud.)) – ПС II а.п. (**títəjəṛ* ‘сосна кедровая сибирская’ [4. С. 160]) – ПХант. I а.п. (низ. *túgel*);

42. **taje* (**toja*) ‘наклоняться, ломаться’ [3. С. 505]: ПП III а.п. (*tuj-* (S P)) ‘пригодный’) – ПС II а.п. (*tujə-* (O) ‘крест, вынуждающий поклониться’);

43. **tuktV* ‘поперечная балка’ [3. С. 534]: ПП III а.п. (*tik* (*tíkj-*) (Ud.)) ‘поперечная древесина’) – ПС II а.п. (**tətə(-)* ‘поперечная балка’ [4. С. 149]);

44. **tuna* ‘приучать, учить’ [3. С. 537]: ФВ I а.п. (морд. *tonado-* (E M)) – ПП III а.п. (*tun* (V)) ‘предсказатель’) – ПС II а.п. (**tíənt₁e-* ‘учить’ [4. С. 147]);

45. **warV* ‘ворона’ [3. С. 559]: ФВ I а.п. (морд. *varaka*, *varšej*, *varšej*, *varšej*, *varkšij*, *varkšij* (E), *varši*, *varči* (M)) – ПС II а.п. (**wər-* ‘ворона’ [4. С. 170]) – ПХант. II а.п. (низям. *wurjá*).

46. **ala* ‘место под чем-либо’ [3. С. 6]: ФВ I а.п. (морд. *al* (M) нижний, находящийся внизу, *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [41. С. 22]) – ПП III а.п. (коми *-ul* (S) ‘помещение под полом’) – ПС II а.п. (**olä* ‘почва’ [4. С. 24]);

47. **wilä* (**wülä*) ‘верх’ [3. С. 573]: ФВ I а.п. (морд. *véldé* (E) ‘через, посредством’, *véldä* (*véldə-*) (M) ‘благодаря, посредством’ [41. С. 2605]) – ПП III а.п. (коми *vjl* (S)) – ПС II а.п. (**i(-) ~ *ni*);

Исключения:

1. **kumpra* ‘волна’ [3. С. 203]: ФВ I а.п. (морд. *kombä* Род. *kombän* (M)) ‘кочка, плавучий островок’, *kum-boldo-*, *kopildi-* (E) ‘быть в бурлящей воде, бурлить’ [41. С. 950]) – ПП III/IV а.п. (коми *gib-* (Vm.)) ‘плескаться, играть’) – ПС I а.п. (**ketpe*, **kəmpre* ‘волна’ [4. С. 59]);

2. **maksa* ‘печень’ [3. С. 264]: ФВ I а.п. (морд. *makso* (E), *maksä* (M) [41. С. 1162]) – ПП III/IV а.п. (коми *mus* (S)) – ПС I а.п. (**mijtə* ‘печень’ [4. С. 93]) – Пхант. I а.п. (ирт. *Miugat* ‘печень’ – низ. *míxəd* ‘печень’);

3. **enä* ‘большой, много’ [3. С. 74]: ФВ I а.п. (морд. *inē* (E), *inä* (M)) ‘большой’ [41. С. 463]) – ПП III а.п. (*una* (S) ‘много’) – ПС I а.п. (**inđ* ‘старший брат’ [4. С. 27]);

ПУ IV а.п. ФВ II а.п. – ПП IV а.п. – ПС I а.п. – ПХант. I а.п. – ПМанс. I или III а.п.

1. **juta-* ‘идти, путешествовать’ [3. С. 106]: ФВ II а.п. (морд. *juta-* (E), *jota-*, *juta-* (M) ‘проходить, переходить, проезжать’ [41. С. 549]) – ПС I а.п. (**játä-* ‘идти’ [4. С. 38]);
2. **konV* (**kana*) (? + *ala*) ‘подмышка’ [3. С. 178]: ПП IV а.п. (коми *kum-les* (S) ‘подмышка’) – ПС I а.п. (**kòlзη* ‘подмышка’ [4. С. 63]);
3. **kora* ‘кожа, кожура’ [3. С. 180]: ФВ II а.п. (морд. *kuvo* (E) ‘корка’, *kuva* (M) ‘корка, кора’) – ПП IV а.п. (коми *ku* (S PO) ‘мех’) – ПС I а.п. (**kope* ‘кожа, кожура’ [4. С. 73]);
4. **luke* ‘число, считать’ [3. С. 253]: ПП IV а.п. (тим. *vid’á* ‘я считаю’) – ПС I а.п. (ненец. *lāχnā* -);
5. **mOnV* (**monV*) ‘говорить’ [3. С. 290]: ФВ II а.п. (морд. *tuna-* (E), *məná-* (M) ‘заколдовывать’ [41. С. 1297]) – ПС I а.п. (**mā-*, **mān-* ‘говорить’ [4. С. 88]);
6. **muške* (**moške*) ‘мыть’ [3. С. 289]: ПП IV а.п. (тим. *mešká* ‘я мою’) – ПС I а.п. (**mesə-* ‘мыть’ [4. С. 89]);
7. **nejde* (**nejde/*nejde*) ‘девочка, дочь’ [3. С. 302]: ПП IV а.п. (коми *nij* (S) ‘детвора’) – ПС I а.п. (**ne* ‘женщина’ [4. С. 100]);
8. **noma(-IV)* ‘заяц’ [3. С. 322]: ПП IV а.п. (коми *nimal* (PO)) – ПС I а.п. (**nātmā* ‘заяц’ [4. С. 105]);
9. **ončV* ‘нельма’ [3. С. 339]: ПП IV а.п. (*už* (Ud. I)) – ПС I а.п. (**āncz* ‘нельма’ [4. С. 18]);
10. **reje* ‘вариться’ [3. С. 368]: ПП IV а.п. (тим., пик. *ruá* ‘я варю’) – ПС I а.п. (коми **pi-* [4. С. 123]) – ПМанс. I а.п. (юконд. *pójtæt* ‘они варят’);
11. **poča* ‘влажный’ [3. С. 388]: ПП IV а.п. (коми *pičal-* (S) ‘впитанный’) – ПС I а.п. (ненец. *pōda-*);
12. **pora* ‘пробка’ [3. С. 395]: ПП IV а.п. (коми *pur* (S) ‘открытая плита’) – ПС I а.п. (**pārз* ‘нары на четырех ножках’ [4. С. 116]);
13. **purkV* ‘снежная буря’ [3. С. 406]: ФВ II а.п. (морд. *porgams*, *purga-* (E), *purga’ms*, *pərga’-* (M) [41. С. 1850]) – ПП IV а.п. (коми *pjra* (Lu.)) – ПС I а.п. (ненец. *pārontāj* (O));
14. **seŋV* ‘причесываться’ [3. С. 439]: ФВ II а.п. (морд. *seme*, *säme*, *sämä* (E), *sämä*, *semä* (M) ‘щетка’) – ПП IV а.п. (*sjnal-* (S)) – ПС I а.п. (**tiä-* ‘расчесывать’ [4. С. 62]);
15. **täwe* ‘легкое’ [3. С. 519]: ПП IV а.п. (коми *tj* (S P)) – ПС I а.п. (**tiw,ä* ‘легкое’ [4. С. 164]);
16. **uje* ~ **oje* ‘плавать’ [3. С. 542]: ПП IV а.п. (тим. *ujá* ‘плаваю’) – ПС I а.п. (**u-* ‘плавать’ [4. С. 29]) – ПХант. I а.п. (ирт. *Úđjem*);
17. **wačV* ~ **wančV* ‘корень’ [3. С. 548]: ПП IV а.п. (коми *vuž* (S)) – ПС I а.п. (**wāncz(-)* ‘корень’ [4. С. 171]);

Исключения:

1. **kOrnV* ‘ворон’ [3. С. 228]: ФВ II а.п. (морд. *křenč*, *křenš*, *křänš* (E), *kraňč* (M)) – ПП IV а.п. (коми *kjrnjš* (S)) – ПС II а.п. (**kəŋəjə(-)* ‘ворон’ [4. С. 55]);
2. **čEŋčV(-kV)* ‘маленькая (певчая) птичка’ [3. С. 48]: ПС II а.п. (**slinsäkkz(-)* ‘птичка’ [4. С. 141]) – ПХант. I а.п. (низям. *čički* ‘птичка’);

3. **lEppV* ‘бабочка’ [3. С. 259]: ПС II а.п. (*libérāpco* (Sj. N)) – ПХант. I а.п. (низям. *lipənta*).

Таким образом, можно предположить, что две акцентные парадигмы, сохранившиеся в селькупских и ненецких диалектах, являются архаичными и восходят к четырем прауральским акцентным парадигмам. Отметим, что они полностью коррелируют с акцентными парадигмами в низямском и иртышском хантыйских диалектах, что может свидетельствовать в пользу гипотезы о более близком родстве самодийских и обско-угорских языков, предложенной в работе [32].

В следующих публикациях мы планируем верифицировать гипотезу о четырех акцентных парадигмах в прауральском языке на полном материале этимологий [3]¹.

Сокращения

Языки и диалекты

- кам. – камасинский язык
- коми – язык коми
 - виш. – вишерский
 - воств. – восточновычегодский диалект
 - вс. – верхнесыольский диалект
 - доег. нижеин. – доеговский говор нижеиньвенского диалекта
 - кудым. – кудымкарский диалект коми
 - кя – коми-язьвинский язык
- нган. – нганасанский язык
- ненец. – ненецкий язык
 - тунд. – тундровый ненецкий язык
 - О – обдорский говор
- ПМ – прамордовский язык
- М – мокшанский язык
- Е – эрзянский язык
- ПП – прапермский язык
- ПС – прасамодийский язык
- ПСельк. – праселькупский язык
- ПУ – прауральский язык
- ПХант. – прахантыйский язык
- саам. – саамские языки
 - N – норвежский саамский язык
- Сельк. – общеселькупский язык
 - кет. – кетский диалект селькупского языка
 - нар. – нарымский диалект селькупского языка
 - таз. – тазовский диалект селькупского языка
 - ср.-обск. – среднеобской диалект селькупского языка
- удм. – удмуртский язык
 - юз. – юзовский диалект удмуртского языка

¹ В настоящей статье не были рассмотрены слова, у которых нет параллелей в самодийских языках.

ФВ – прафинно-волжский язык
 ФП – прафинно-пермский язык
 ФУ – прафинно-угорский язык
 хант. – хантыйский язык
 ирт. – иртышский диалект хантыйского языка
 низям. – низямский диалект хантыйского языка
 энец. – энецкий язык

Общие

Лос – локатив
 а.п. – акцентная парадигма
 Д1 – длительность 1-го гласного
 Д2 – длительность 2-го гласного
 И1 – интенсивность 1-го гласного
 И2 – интенсивность 2-го гласного

Литература

1. *Janhunen 1981* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu. 1981
2. *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988. P. 478–554.
3. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Bd. 1–3.
4. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : [Castrenianumin toimitteita 17], 1977.
5. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Ч. 1: Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 117–148.
6. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Ч. 2: Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012. № 2 (7). С. 59–81.
7. *Helimski E.* The Language of the First Selkup Books. Front Cover. Eugene Helimski : Attila József University, 1983.
8. *Salminen T.* Notes of Forest Nenets Phonology // Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007. Doaimmahan Jussi Ylikoski ja Ante Aikio. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253. Helsinki, 2007. P. 349–372.
9. *Sölkupisches* Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U.T. und Alatalo J. / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
10. *Normanskaja Ju.V.* Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels // Proceeding of the NORDSCI Conference. Helsinki, 2018, in print.
11. *Дыбо В.А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. М. : Языки славянских культур, 2000.
12. *Норманская Ю.В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М. : Тезаурус, 2008.
13. *Иванова Г.С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006.
14. *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden : Harrasowitz, 2005.
15. *Норманская Ю.В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прасамодийского ударения // Вопросы уралоистики: науч. альм. / отв. ред. С.А. Мызников, И.В. Бродский. СПб., 2009. С. 260–296.

16. *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М. : Наука, 1964.
17. *Норманская Ю.В.* Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентной систем // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. Сер. «Studia philologica» / отв. ред. В.З. Демьянков, В.Я. Порхомовский. М., 2010. С. 623–639.
18. *Лыткин В.И.* Коми-язвинский диалект. М. : Наука, 1961.
19. *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. 1: Введение, фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957.
20. *Понарядов В.В.* О сильных и слабых аспектах разных подходов к праязыковой реконструкции: ответ на замечания М.А. Живлова и Ю.В. Норманской // Вопросы урало-алтайстики. СПб., 2014.
21. *Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М. : Наука, 1955.
22. *Баталова Р.М.* Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М. : Норманская, 1990.
23. *Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. М. : Наука, 1975.
24. *Баталова Р.М., Кривоцекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Наука, 1985.
25. *Норманская Ю.В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 117–148.
26. *Амелина М.К.* Акцентные характеристики производных имен в тундровом наречии ненецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2 (5). С. 7–39.
27. *Амелина М.К.* Акцентные характеристики производных имен в тундровом наречии ненецкого языка (гыданский диалект) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 7–55.
28. *Borisenko O.D., Normanskaja Ju.V.* Dictionaries on Samoyedic languages and LingvoDoc software system for collaborative work on dictionaries and online publishing // Proceeding of the NORDSCI Conference. Helsinki, 2018, in print.
29. *Nikolaeva I.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. (Studia Uralica. Bd. 9). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999.
30. *Норманская Ю.В.* Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 2(2). С. 56–69.
31. *Норманская Ю.В.* Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южно-хантыйском (по материалам архива М.А. Кастрена) // Linguistica Uralica. 2014. № 4. С. 283–302.
32. *Häkkinen K.* Keeleteaduse alused. Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, 2007.
33. *Селькупско-русский диалектный словарь* / ред. В.В. Быконя. Томск, 2005.
34. *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU 13)
35. *Munkácsi B.A.* Vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. Budapest, 1894.
36. *Wogulisches Wörterbuch* / Gesammelt von B. Munkácsi. Geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest, 1986.
37. *Wogulische Volksdichtung* gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. VII Band. Wörterverzeichnis zu den Bänden I–VI. Bearbeitet von Matti Liimola und Vuokko Eiras. Helsinki, 1982.
38. *Honti L.* System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. Budapest ; Paris, 1975.
39. *Норманская Ю.В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Ч. 2: Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 88–103.

40. Норманская Ю.В. (при участии И.А. Стенина). Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Ч. 1: Обской диалект мансийского языка // Урал-алтайские исследования. 2015. № 2(17).

41. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1990–1996.

PROTO-SAMOYEDIC ACCENT: EXTERNAL AND INTERNAL RECONSTRUCTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 110–145. DOI: 10.17223/19986645/56/7

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: julianor@mail.ru

Keywords: stress, archival data, field data, Samoyedic languages, Uralic languages, comparative historical linguistics.

The article posits the question of whether the Proto-Samoyedic accent has any external correspondences. The analysis was made using the usual methods of comparative-historical linguistics. The author followed Vladimir Dybo, who worked out the concept of paradigmatic stress based on Slavic languages, and, firstly, analyzed the changing of the place of stress in word paradigms in specific dialects in field and archival data, secondly, compared the most closely related dialects, and then languages, lexeme by lexeme, thus reconstructing the paradigmatic stress to the proto-language level.

The first indication of paradigmatic stress existing in Samoyedic languages was a phrase from the letter Eugene Helimski wrote to Ariadna Kuznetsova, now available online, that said that the catalogue compiled by Andrei Dulzon and his disciples had marked stresses in central and southern Selkup dialects, which were for some reason dropped in the dictionary published after this catalogue. In 2008, in Tomsk, the author had an opportunity to scan about 30,000 cards with marked free stress for all Selkup word-forms from several tens of settlements where southern and central dialects were spoken. The author confirmed that this material was correct while working with the last native speakers of Selkup dialects, with the books by N. Grigorovsky published in the 19th century and with the archival materials of Matthias Castrén collected in the 18th century. At the same time, while working with the Helimski archive in Helsinki, the author found roughly 500 cards on the imperative forms in Taz (Northern) Selkup, in which, again, the stress was marked. It turned out that the principle of stress placing in the forms of imperative is one and the same in the Taz dialect and in southern and central dialects of Selkup. This made it possible to reconstruct the Proto-Selkup accent system, which is described in the first part of the section for Samoyedic languages.

In 2010, Maria Amelina agreed to researching the accent systems of Nenets dialects, and since that time has conducted five expeditions to the speakers of dialects from different groups – Tundra (Yamal, Gydan, Kanin, Bolshezemelsky) and Forest. These data, analyzed in the Praat phonetic software, showed that the place of stress is more or less the same in all dialects, and is the same as the macron in the dictionary by Lehtisalo (1956); however, it is expressed prosodically in different ways, which speaks in favor of it being stress, not length. The author compared the data on accent in Nenets and Selkup dialects and saw that they correspond to each other. Based on this comparison, the author could reconstruct the place of stress in Proto-Samoyedic, on which the development of the Proto-Samoyedic vocalism system depended.

This article compares the reconstruction of the Proto-Samoyedic stress to the free stress in Proto-Finno-Volgaic, Permian, Ob-Ugric languages, and reconstructs the Proto-Uralic free paradigmatic stress.

As a result, the author has found out that Proto-Uralic had four accent paradigms, which survived without changing in Komi-Permyak dialects, but fused into two paradigms in Samoyedic languages.

References

1. Janhunen, J. (1981) *Uralilaisen kantakielen sanastosta* [Uralic Words Dictionary]. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10224/4045>.
2. Sammallahti, P. (1988) Historical Phonology of the Uralic Languages. In: Sinor, D. (ed.) *The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden; New York: Brill.
3. Rédei, K. (1986–1991) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. Vols 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó.
4. Janhunen, J. (1977) *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* [Samoyedic Vocabulary: Common Samoyedic Etymologies]. Helsinki: [Castrenianumin toimitteita 17].
5. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (6). pp. 117–148. (In Russian).
6. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in Proto-Samoyedic and its external correspondences. II. External correspondences of the Selkup word accent in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 2 (7). pp. 59–81. (In Russian).
7. Helimski, E. (1983) *The Language of the First Selkup Books*. Szeged: Attila József University.
8. Salminen, T. (2007) Notes of Forest Nenets Phonology. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 253. pp. 349–372.
9. Alatalo, J. (2004) *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U.T. und Alatalo J.* [Selkup Dictionary from the records of Donner K., Sirelius U.T. and Alatalo J.]. Helsinki: [s.n.].
10. Normanskaja, Ju.V. (2018) Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels. *Proceeding of the NORDSCI Conference*. Helsinki. (In print).
11. Dybo, V.A. (2000) *Morfologizovannye paradigmatische aktsentnyye sistemy: Tipologiya i genezis* [Morphologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Normanskaya, Yu.V. (2008) *Rekonstruktsiya prafinno-volzhszogo udarenija* [Reconstruction of the Proto-Finno-Volgaic accent]. Moscow: Tezaurus.
13. Ivanova, G.S. (2006) *Sistema glasnykh v dialektakh mokshanskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [The system of vowels in the Mokshan dialects in historical coverage]. Saransk: Mordovia State University.
14. Geisler, M. (2005) *Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen* [Vocal zero alternation, syncope and accent in the Permic languages]. Wiesbaden: Harrasowitz.
15. Normanskaya, Yu.V. (2009) Novyy vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisanie razvitiya vokalizma pervogo sloza v komi i udmurtskom yazykakh v zavisimosti ot prapermskogo udarenija [A new look at the history of Permic vocalism: a description of the development of vocalism of the first syllable in Komi and Udmurt languages, depending on the Proto-Permic accent]. In: Myznikov, S.A. & Brodskiy, I.V. (eds) *Voprosy uralistiki: nauch. al'm.* [Questions of Uralistics: scientific almanac]. St. Petersburg: Nauka.
16. Lytkin, V.I. (1964) *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of the Permic languages]. Moscow: Nauka.
17. Normanskaya, Yu.V. (2010) Sootnoshenie prapermskoy i prafinno-volzhszoy aktsentnoy sistem [The correlation of the Proto-Permic and the Proto-Volgaic accent systems]. In: Dem'yankov, V.Z. & Porkhomovskiy, V.Ya. (eds) *V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl: sb. st. v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova* [In the space of language and culture: sound, sign, meaning: collection of articles in honor of the 70th anniversary of V.A. Vinogradov]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

18. Lytkin, V.I. (1961) *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [The Komi-Yazva dialect]. Moscow: Nauka.
19. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Pt. 1. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
20. Ponaryadov, V.V. (2014) O sil'nykh i slabykh aspektakh raznykh podkhodov k prayazykovoy rekonstruktsii: otvet na zamechaniya M.A. Zhivlova i YU.V. Normanskoy [On the strong and weak aspects of different approaches to proto-language reconstruction: a response to the comments of M.A. Zhivlov and Yu.V. Normanskaya]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Voprosy uralistiki* [Issues of Uralic studies]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Lytkin, V.I. (1955) *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam (s obzorom dialektov i dialektologicheskim slovaryom)* [Dialectological anthology of the Permic languages (with an overview of dialects and a dialectological dictionary)]. Moscow: Nauka.
22. Batalova, R.M. (1990) *On'kovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka* [On dialect of the Komi-Permic language]. Moscow; Hamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica.
23. Batalova, R.M. (1975) *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka.
24. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Nauka.
25. Normanskaya, Yu.V. (2012) Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (6). pp. 117–148. (In Russian).
26. Amelina, M.K. (2011) Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects). *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 2 (5). pp. 7–39. (In Russian).
27. Amelina, M.K. (2012) Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets (the Gydan dialect) *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (6). pp. 7–55. (In Russian).
28. Borisenko, O.D. & Normanskaja, Ju.V. (2018) Dictionaries on Samoyedic languages and LingvoDoc software system for collaborative work on dictionaries and online publishing. *Proceeding of the NORDSCI Conference*. Helsinki. (In print).
29. Nikolaeva, I. (1999) *Ostyak texts in the Obdorsk dialect*. (Studia Uralica. Bd. 9). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
30. Normanskaja, Ju.V. (2013) The solution to the principle of word stress assignment in Vasjugan Khanty. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2(2). pp. 56–69. (In Russian).
31. Normanskaya, Yu.V. (2014) The System of Accent in the Nizjam and South Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 4. pp. 283–302. (In Russian).
32. Häkkinen, K. (2007) *Keeleteaduse alused* [Basics of Linguistics]. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
33. Bykonya, V.V. (ed.) (2005) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
34. Lehtisalo, T. (1956) *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (LSFU 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
35. Munkácsi, B.A. (1894) *Vogul nyelvjárások szóragszásukban ismertette* [Vogul dialects are described in the publication]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
36. Kálmán, B. (ed.) (1986) *Wogulisches Wörterbuch* [Vogul Dictionary]. Budapest, 1986.
37. Liimola, M. & Eiras, V. (eds) (1982) *Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto* [Vogul folk poetry collected and translated by Artturi Kannisto]. Vol. VII. Helsinki: [s.n.].
38. Honti, L. (1975) *System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda* [System of paradigmatic suffix morphemes of the Vogul dialect on the Tavda]. Budapest; Paris: Mouton, Den Haag.

39. Normanskaya, Yu.V. (2015) The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part II. The Yukonda dialect of Mansi. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 3 (18). pp. 88–103. (In Russian).

40. Normanskaya, Yu.V. (with Ivan Stenin's participation) (2015) The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part I. The Ob dialect of Mansi. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 2(17). pp. 51–66. (In Russian).

41. Paasonen, H. (1990–1996) *Mordwinisches Wörterbuch* [Mordovian Dictionary]. Vols I–IV. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.